

Борис Мир

PRESENT PERFECT
CONTINUOUS

Борис Мир

Present Perfect Continuous

«Издательские решения»

Мир Б.

Present Perfect Continuous / Б. Мир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906936-8

Present Perfect Continuous — время глаголов в английском языке, обозначающее действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящее время. Именно таково состояние героя повести Феликса после развала семьи, из-за чего лишен он возможности быть вместе со своим ребенком. Встретив чудесную девушку, начинает думать, что случившееся уже позади. Но оно еще не стало для него прошлым. Валентина Астафьева. Впервые показаны эмоции мужчины в несчастном браке.

ISBN 978-5-44-906936-8

© Мир Б.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	22
3	33
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Present Perfect Continuous

Борис Мир

В английской грамматике Present Perfect Continuous обозначает действие, начавшееся ранее какого-то момента в прошлом и продолжающееся в настоящее время.

© Борис Мир, 2018

ISBN 978-5-4490-6936-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Солнце, отразившись от окна соседнего корпуса, ударило прямо в лицо и разбудило меня. Я приоткрыл глаза, увидел залитое жарким золотом стекло – и тут же ослеп от яркого света.

Сразу с досадой отвернулся: хотелось не просыпаться как можно дольше – наступающий день, как и предыдущие, не сулил мне ничего хорошего. Тем более суббота: надо думать, чем занять себя. Но что-то, еще похожее на дрему, слишком быстро прошло – и значит, надо вставать.

Ванна занята замоченным грязным бельем соседки: душ не примешь. Опять! Ополаскиваюсь над раковиной: вода, хоть и не как зимой, все-таки немного бодрит. Чайник уже пыхтит – можно бриться.

Застилаю постель и навожу какой-то порядок в комнате. Одеваюсь; гляжусь в зеркало: прямо таки жених. Черт бы все подрал! Ладно: можно идти. Почистил туфли на площадке, ополоснул руки и запер комнату. Выглянула соседка – в халате, из-под него почти до пола мятая ночная сорочка.

– Вы не в магазин, случайно? Прихватите мне, если вас это не очень затруднит, батон, бутылку молока и...

– Я ухажу, – не очень любезно прерываю ее.

– А-а! – обиженно тянет она. – Дверь вечером я могу запереть?

– Я приду.

– Только, если вы опять очень поздно, то, пожалуйста, тише.

– Хорошо: постараюсь.

Завтракаю какой-то ерундой в ближайшем кафе. Потом сижу на бульваре и соображаю, как мне, все-таки, убить день.

К родителям сегодня не поеду. И так буду у них завтра – с Маринкой. А сегодня – ни к чему: снова те же разговоры и вопросы, да еще мама вдруг опять что-то вспомнит.

С Юркой глухо: у него зачеты, готовится без продыха; все, чем мог, я уже успел ему помочь – больше нечем. И на работе делать нечего: управились лихо как никогда – последние кальки получим из копировки на следующей неделе.

Позвонить, все-таки, кому-нибудь? Да без толку: вчера еще обзвонил всех – безрезультатно. Кроме Ирки, сестрицы моей двоюродной: знал, опять предложит с кем-то познакомиться – «интеллигентная, выглядит моложе своих лет, семья хорошая». Все равно, с ее протезе у меня абсолютно не клеится: все что-то не то. Мыкаюсь пока один, благо есть, кто много от меня не требуют. Ночь наша, и ладно. Потом опять один, а чаще один и вдвоем: хуже не придумаешь.

Схожу куда-нибудь, и все. А куда? В костел святого Людовика на Малой Лубянке? Нет: после рижских и львовского костелов орган там – не звучит абсолютно. Кино? Вместе с очередью в кассу отнимет часа три – от силы. Опять музей? Пожалуй: только в какой? Сижу и не спеша соображаю.

Честно говоря, идти мне никуда не хочется. На бульваре сейчас хорошо как никогда: деревья в молоденьких листочках, и солнышко пригревает. Сижу на скамейке, курю и даже начинаю немного подремывать.

Появляются еще люди, устраиваются на скамейках под липами. Старушка с детской коляской. Два парня ставят доску и играют в шашки: надо будет подойти – поболею, сделаю пару замечаний, а там, смотришь, и сыграю партии две-три. Старик с газетами. Девушка с книгой, на скамейке наискось от меня. Лениво курю и глазею на них.

Девушка – молоденькая: от силы, наверно, лет двадцать. А ножки у нее – стройненькие. И волосы неплохие. Ничего смотрится. Она на минуту подняла голову, и я сумел лучше разглядеть ее: не красавица, конечно, но лицо приятное – главное, глаза весьма таки осмысленные.

Я еще посидел немного, рассматривая ее. Она несколько раз подняла голову, глядя на меня, а потом вдруг очень уж уткнулась в свою книгу. Даже покраснела. Ладно, хватит!

Встал и подошел к играющим. Тут меня ждало разочарование: уровень их игры был уж очень низкий, играть с такими партнерами – никакого удовольствия. С минуту постоял возле них и ушел.

В кассе кино – очередь, хвост на улице. Детектив какой-то новый: может быть, неплохой, раз на него давятся. И потом – какая мне разница.

До меня осталось человека четыре – кассирша предупредила, что билеты на ближайший сеанс кончаются: очередь заволновалась. И тут я увидел девушку, что сидела на бульваре: она стояла в конце очереди – билет ей, конечно, не достанется. Тогда я взял два билета – последние.

Моя незнакомка пошла к входу в кинотеатр: это мне и было нужно. До начала оставалось еще достаточно, можно было покурить, но я сообразил, что она может суметь купить билет еще у кого-нибудь. Подошел так, что она меня не видела.

– Нет лишнего билета? – спросила она спешившую мимо девушку; та мотнула головой – и я сразу сказал:

– Есть один лишний, – и она сразу повернулась ко мне. Еще несколько человек бросились, пытаясь опередить ее:

– Мне, мне продайте!

– Продан, продан уже. Идемте, там мне отдадите деньги – а то билет сейчас вырвут. – Она благодарно посмотрела на меня.

Когда сели, протянула мне рубль.

– Потом: у меня нет сдачи, – соврал я.

Журнал был интересный – «Иностранная хроника», а сам фильм – черт те что. Я в середине не выдержал, сказал:

– Да: о-очень жалостливый фильм!

– Разве? – сразу откликнулась она.

– Весьма: жутко жалко – себя, дурака, что попал на такой. – Шуточка довольно затасканная, но сработала – она засмеялась:

– Правда: чушь!

– Дикая! Едва ли дальше может быть лучше. По-моему, стоит уйти. Вы как? – Она кивнула. Пригнувшись, выбрались из ряда.

– Сколько я вам должна? – спросила она на улице.

– Да, по-моему, я вам теперь должен за такой.

– Но...

– Да все равно, у меня нет сдачи. Извините, что у вас за книга? – прикинулся я: отлично видел, что «Воспоминания современника» Прахова, которую читал давно еще.

Она протянула мне книгу, и я сделал вид, что с интересом просматриваю ее.

– О, о художниках, расписывавших Владимирский собор в Киеве. Интересно! Собор потрясающий.

– Вы его видели?

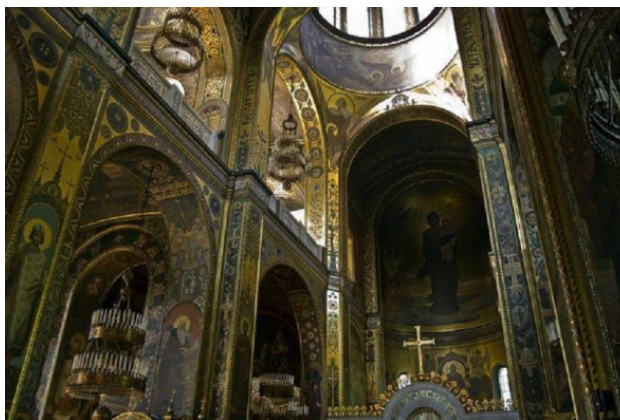
– Да. А вы?

– Нет, к сожалению! – Очень неплохо: то, что надо – на эту тему я могу говорить так неплохо.

Как раз перед командировкой в Киев я нашел в библиотеке «Соборъ Св. Владимира въ Киеве», дореволюционного еще издания, и выписал оттуда, кто что там расписывал. С блокнотом, где были эти записи, потом ходил по собору и давал пояснения таким же, как я: никаких путеводителей там не было.

– Один из подошедших к нам оказался церковным старостой собора: подарил мне фотографии за престольных росписей – их могут видеть только священники и убирающие в алтаре.

– Красивый он?

– Очень. Даже когда там полумрак: очень впечатляет. Только мозаичное изображение Богоматери с Младенцем, из-за того, что в соборе оно на золотом фоне, по-моему, сильно уступает в выразительности его же живописного в Русском музее – на черном фоне, оттеняющим идущий от нее свет.

– Да? – она явно с интересом слушала меня. И я воспользовался этим – предложил пойти в Пушкинский музей либо в Третьяковку. Она сразу выбрала Пушкинский.

– А вы пешком ходить любите? Можно дойти пешком – по бульварам.

– Конечно: погода чудесная.

Мне казалось, бульвары долго будут тянуться один за другим. Увлечшись разговором, я незаметно перешел на свой привычный темп. Заметил это уже у Никитских ворот.

– Не загонял я вас?

– Нет еще, – она улыбнулась.

– Если опять побегу, скажите «тпру».

– Ну что вы!

– Учтите: другого выхода нет.

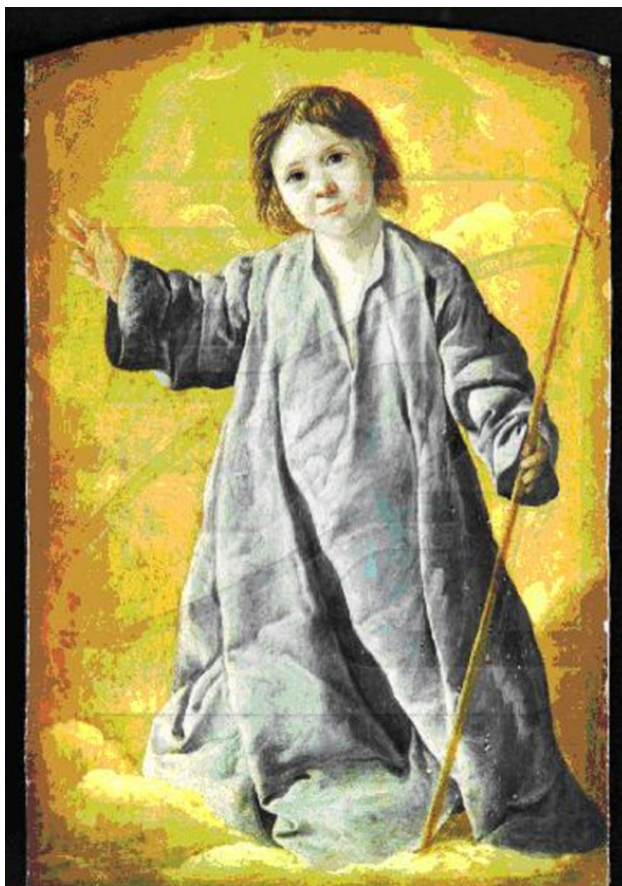
– Тогда, может быть, скажу, – она снова улыбнулась.

Сегодня погода – настоящая летняя, и в музее не слишком много народа. Начинаем осмотр с самого начала – с Древнего Египта. Последнее время я все больше предпочитаю его искусство греческому: оно кажется более выразительным, несмотря на условность поз – мне созвучней плавное изящество линий египетских фигур и, особенно, легкие улыбки женских лиц. И что-то общее с ними я вдруг обнаруживаю в улыбке моей спутницы.

Когда она улыбается, в ее карих, почти одного цвета с ее волосами, глазах мягко вспыхивают теплые искорки. Вообще она очень сдержанная, воспитанная. Только улыбка – главным образом, глазами. И рот, немного большой, со слегка выпяченной нижней губой и чуть крупноватыми зубами, очень выразительный – выдает движение ее мысли и чувства. Та же грациозность и внутреннее изящество – фигур древних египтянок.

Мы говорим очень мало, – ходим и смотрим. В следующих залах она внимательно рассматривает каждую картину – как я когда-то. Теперь мне здесь все знакомо: я обвожу глазами зал и задерживаюсь лишь у самых любимых картин, поджидая, когда она подойдет ко мне.

– Вам эта нравится?

Я молча киваю. Она небольшая – «Младенец Христос» Сурбарана. Ребенок лет четырех – отнюдь не херувимчик: не очень-то красив, в длинной рубашке из грубой ткани, прямые не чесанные волосы. Явно – дитя совсем простых, бедных родителей. Но эта улыбка и какой-то теплый свет, исходящий из маленьких лучистых глаз, руки, протянутые вперед. Что он хотел сказать, испанец Сурбаран, изобразив маленького Христа таким? Что каждый ребенок – это Христос, в том лучшем понимании, что вкладывалось в его образ, – пусть даже ребенок этот и некрасив, прост и беден? Он, должно быть, любил их – детей, этот художник.

Она тоже внимательно смотрит «Младенца Христа» – и спрашивает тихо:

– Вы любите детей?

– Я? Да.

Мы не сразу отходим от нее. Говорим, по-прежнему, мало. Зачем? Надо смотреть. Мы же не художники, не можем по настоящему понимать все тонкости колорита, рисунка, композиции и прочего. Не знаю, насколько это для нас, простых смертных, важно. Главное – лишь мысли и чувства, настроение, вызываемое картинами. Похоже, и она так считает: во всяком случае, не пытается разглагольствовать об искусстве.

Ходим мы по музею долго. Меня это совершенно не утомляет, тем более что нового выставлено очень мало: память напрягать почти не приходится.

Последние залы, как всегда: импрессионисты, постимпрессионисты, фовисты, Пикассо. И мы выходим из музея – на яркий солнечный свет. Я, все-таки, немного устал, и у нее, тоже, глаза утомленные. Но до конца дня еще далеко, и мне никак не хочется снова остаться одному: с ней хорошо.

– Здесь недалеко есть чебуречная, на улице Герцена. Может быть, пойдем туда, поедем? – и жду: не кончилось ли уже все хорошее, что было сегодня; жду, не дыша, те страшно длинные секунды, пока она не кивает: да. Да!

Чебуреки очень горячие: прокусишь, и пар обжигает губы. Главное, чтобы бульон не вылился: надо пить его, осторожно наклоняя чебурек. Она ест их с удовольствием. И я – не глотаю, лишь бы поскорей покончить с процедурой еды, как обычно – ем и ощущаю вкус. Хорошо! Только остался вопрос: не поблагодарит ли она меня вежливо за прекрасно проведенное время и исчезнет – и я снова останусь один, не зная, куда себя дальше деть до наступления ночи.

Но сегодня, как ни странно, мне везет: она никуда не спешит уйти от меня.

– Два зачета вчера сдала сразу: можно и отдохнуть.

Родители не будут беспокоиться? Нет: как раз сегодня утром они улетели в Трускавец, мама в санаторий, а папа – чтобы ей не быть там одной. Она ездила их провожать в аэропорт; на обратном пути так и не дошла до дому: на бульваре так хорошо в эту пору.

Узнаю, что она учится в вечернем институте, на третьем курсе, и работает в библиотеке. Хочу спросить уже, как ее зовут – но понравится ли ей это: будет похоже на официальное знакомство. Лучше чуть попозже.

Мы сидим на скамейке под каштанами на Суворовском бульваре. Мороженое съедено, ноги отдохнули. Предлагаю ехать кататься по Москве-реке: люблю находиться на воде. Ей тоже кажется, что это неплохо.

– Только опять пойдем пешком, хорошо?

– Но...

– Не бойтесь: я люблю ходить.

И мы снова пошли. Я говорил и говорил: наконец-то была счастливая возможность выговориться – она хорошо умеет слушать, и то, что я говорю, ей интересно. Описываю города, в которых был, музеи, здания, церкви и костелы, среднеазиатские гробницы, мечети и медресе. Называю ей малоизвестные, отмеченные мной для себя в Эрмитаже, лежащего мраморного Авеля работы Джованни Дюпре и картину «Отправление на рынок» Константа Тройона.

Она сдержанно улыбается, когда, по-видимому, не совсем со мной согласна. Но не возражает – пытается понять меня; смотрит прямо в глаза, и я все лучше могу разглядеть ее.

То, что сразу показалось мне во внешности ее недостатками, перестает быть ими: и чуть крупноватые зубы, и чуть отвислая нижняя губа – да все это как-то очень и очень в меру, – настолько, чтобы лишь составлять особую прелесть ее лица. И все время – внимательный взгляд и мягкие теплые искорки, когда она улыбается, и дивно подвижный рот. Смотрел бы и смотрел на нее, не отрываясь. Девочка она, безусловно, интересная: очень-очень многое успела прочесть.

– Мне удастся после того, как стала работать в библиотеке, одной из первых прочитать все новинки, которые к нам туда поступают.

– Завидую. А я только недавно «Мастера и Маргариту» сумел прочесть.

– По-моему, совершенно потрясающая вещь.

– Конец жуткий только.

– Да? Почему?

– Помните: их конец – Мастера и Маргариты? Навсегда вместе, но при этом абсолютно отрезанные от всех и всего, замкнутые друг в друге. Ведь это же так страшно; страшней того, что пишет Кафка, – все одно и тоже: без движения, без развития – без будущего.

– Действительно. Странно, я почему-то не поняла это тогда. А Кафку я, к сожалению, до сих пор еще не читала.

– И не торопитесь пока.

Медленно плывет наш речной трамвай, и рядом с нами никого, кто бы мешал нам говорить обо всем на свете, слышать обращенные к тебе вопросы и голос славной, умной девушки, которая совсем не спешит расстаться с тобой, уйти, оставив одного.

Когда сошли на берег, уже начинало смеркаться. Вечер тоже был тихий, теплый. Чтобы оттянуть расставание, я предложил пойти в кафе-мороженое, но она отказалась:

– Нет: не люблю стоять в очереди. Давайте зайдем, где можно быстро поесть.

По оживленной улице Горького доходим до площади Пушкина, съедаем сосиски в кафе-терии – и снова идем по бульварам.

На скамейках парочки. И я когда-то, студентом, сидел здесь и целовался со своей девочкой; прохожие шли мимо, не поднимая глаз. Боже их упаси было отпустить какую-нибудь реплику! Парочек было много: по одной, а то и две на каждой скамейке – мигом бы надавали по шее.

Теперь я иду мимо и не завидую тем, кто сидит в обнимку. Мне слишком хорошо – только оттого, что не спеша идет она рядом и говорит со мной. По-настоящему: даже не помню, когда так было – уже отвык, пожалуй.

Мы свернули с бульвара и пошли по тихим вечерним улочкам. Большая часть окон была открыта.

Постепенно огней в них становилось все меньше, стало еще тише. Москва засыпала.

Подшли к ее дому. Из какого-то окна слышался бой курантов.

– Ну, вот. Здесь я живу. Спасибо вам.

– За что?

– За этот день, – она устало улыбнулась.

– Я смогу вас снова увидеть?

Она опять улыбнулась и молча кивнула.

– Когда?

– Завтра я буду заниматься. Надо было и сегодня немного поработать, так что завтра никак.

Ну, и слава Богу! Завтра я – тоже не могу: беру на весь день Маринку. Скоро Лера уедет с ней на юг, не увижу целый месяц.

– Вы мне дайте свой телефон. Я сама позвоню, хорошо?

На мгновение перехватило дыхание: а почему свой не дает? Не хочет? Или боится?

– Чем записать? – Писать придется обгорелым концом спички в книге.

– Не смахните.

– Я сразу же перепишу, пока не буду закрывать ее. А кого спросить?

– Ах, да! Скажите: Феликса. А как вас зовут?

– Оля. Позвоню, наверно, не раньше, чем через неделю: разделаюсь с зачетами.

Буду надеяться, что так оно и есть: что не просто хочет решить, будет ли мне звонить или нет.

– Я обязательно позвоню, – говорит она, и я сразу верю: позвонит. – Ну, ладно. Спокойной ночи, Феликс!

– Спокойной ночи!

Я отошел не сразу. Оля появилась в окне лестничной площадки между вторым и третьим этажами: я помахал ей рукой. Она улыбнулась мне и больше не появлялась. Я закурил и зашагал домой.

Дверь, все-таки, была заперта на цепочку: пришлось звонить.

– Я думала, вы уже не придете.

– Но я же предупредил вас.

– Предупредили, да; только уж поздно очень, а вас нет и нет. Я и заперла. А вам тут звонили: ваша сестра и еще какой-то женский голос. Было плохо слышно, но, похоже, та самая женщина.

– Ага, спасибо.

Я тут же забыл, что она мне сказала: мысли были о другом. О сегодняшнем дне – об Оле: она стояла перед глазами. Я был почти совсем уверен, что она позвонит: она же сказала. Оля! Оля: милая, скромная, интеллигентная – *то!* Все было – *то!* что и как говорила, держалась, двигалась, улыбалась.

Неужели в моей жизни появится то, что избавит, наконец, от щемящего чувства постоянной тревоги, ожидания одного только плохого, обиды за жизненную неудачу, за растраченные годы? Что поможет всему этому стать прошлым: чтобы снова начать жить, а не существовать. Как сегодня: день не был одним из тех бесконечных ненужных дней. Мне сейчас как-то очень легко, и брезжит снова впереди надежда на что-то. Жить – значит быть счастливым: иначе, зачем вообще жить?

Хорошо! Ноги гудят – мы столько прошли сегодня вместе. Надо спать: чтобы завтра пораньше забрать Маринку – завтра она будет со мной.

Больше недели прошло в ожидании. Хорошо хоть, работы было невпроворот: последние дни перед сдачей проекта. В понедельник получил кальки общих видов металлоконструкций, выполненных мной. Простыни те еще, масштаб мелкий, да еще, главная прелесть, наш главный конструктор ЦКБ неукоснительно требует, чтобы все сварные швы, видимые и невидимые, были показаны «ресничками»: копировщица, любая, запросто нанесет их не там – замучаешься потом исправлять. Поэтому на белках их и не проставляю: сам наношу потом в кальке. На черта, спрашивается: ГОСТ на изображение сварных швов это давно уже не требует. Но характер у нашего Главного крутенький: как сказал, так и будет. Сижу и наношу эти бесконечные «реснички». Да еще ждут кальки детальных чертежей, которые я должен просмотреть за своими исполнителями и подписать. Ошибки, как всегда, вылезают. Запарка, хоть и не слишком дикая: после работы остаюсь, но не допоздна. Не впервой – спихнем!

В субботу, следующую после *той*, я утром проводил Маринку с Лерой; с вокзала сразу поехал на работу. В воскресенье работал в отделе один, и не очень торопясь. В понедельник почти все было кончено и подписано шефом, руководителем нашей группы. Оставались мелочи.

Во вторник часов в одиннадцать шеф понес кальки к Главному – подписывать, а мы всей группой вышли во двор, возбужденные, веселые, с перепачканными тушью пальцами. Сергей предложил идти в буфет пить пиво. По-моему, было еще рано: Главный может вызвать к себе с вопросами. Пусть лучше все подпишет, и можно будет скинуться не только на пиво. Стали обсуждать обмывание сдачи проекта. Устроить, пожалуй, лучше всего, у меня.

Шеф принес кальку общего вида: два мелких исправления, остальное Главный подписал без звука. Поэтому в буфет сходили и пива выпили. Потом отдали нашим женщинам конфеты, а сами снова уселись с сигаретами на солнышке.

Как раз тогда она мне позвонила, и я рванул в отдел к телефону. И мы договорились встретиться вечером.

Сабантуй отпадал. Пригласить ее, конечно, нечего было и думать: обмывание сдачи проекта – мероприятие, из-за обилия спиртного, отнюдь не для ее глаз. Юрка без меня не хотел, остальные без нас обоих – тоже. Я боялся, что на меня обидятся, но все уладилось, когда намекнул, в чем дело.

После обеда шеф велел нам свернуть все белки, убрать их и спокойно разбежаться. Я принял дома душ, переоделся и в шесть уже стоял с букетиком ландышей возле ее дома.

...Мы начали встречаться после каждого ее экзамена. Я ждал, пока она выйдет, в сквере возле ее института. Оля подходила, брала цветы, подносила к лицу и улыбалась мне. Мы ужинали где-нибудь, а потом шли бродить по улицам. К ее дому подходили, когда уже было полночь, и еще долго стояли и разговаривали. Домой я уже добирался чаще всего пешком, если не удавалось схватить случайное такси.

А через две недели я укатил в командировку. В Киев.

Шеф был удивлен, что я не рвусь: думал обрadowать возможностью лишний раз побывать в его соборах и музеях.

– Что-нибудь случилось?

– Да.

– Серьезное?

Я рассказал ему про Олю.

– Значит, интересная девушка? Ну, дай Бог! Много моложе тебя?

– Лет на десять, должно быть.

– М-да... Ну, это нестрашно. – Еще бы: Вера моложе его на все тридцать пять! – Но все равно, ехать нужно: посмотришь, что там, у «князя Олега» сделано; подберешь интересный материал. Послать вместо тебя Сергея либо Юру не имеет смысла: металлоконструкциями занимаешься ведь ты.

– Да я понимаю...

– Поверь мне, это даже неплохо: маленькая разлука. Можешь и задержаться там на пару дней, если захочешь. Фотоаппарат не забудь.

Я быстро все оформил и билет достал на вечерний поезд. На свидание пришел с портфелем, в котором лежало все необходимое мне.

Оля поехала на вокзал провожать меня. Мы стояли у вагона; мне казалось, что и она несколько расстроена.

– Вы мне позвоните оттуда?

– Обязательно. Но только если вы мне дадите свой номер. – Она покраснела:

– Ну, конечно! – Нет худа без добра!

Она не ушла, пока поезд не отправился, и стояла, махала мне, и я думал, до чего много дала она мне за эти дни.

...В Киеве я управился очень быстро. «Князь Олег» сразу же повез меня в Бровары, где показал мне то, что представляло для нас интерес и стоило сфотографировать, и устроил ночевать в общежитии аспирантов. На следующий день получил от него обещанные чертежи и другие материалы. Но по основным вопросам у него интересного для нас оказалось не так много: наши и их нагрузки здорово отличались. Все же, кое-что мне там удалось узнать, и, в целом, я был доволен.

Еще «князь Олег» снова задал мне вопрос:

– Ну, что: не надумал еще перебраться к нам? Возможно, я уладил бы сейчас с местом для тебя в аспирантском общежитии.

Я вспомнил, как он в начале предлагал решить эту проблему, улыбнулся, но сказал «нет» вполне решительно. Теперь у меня было еще больше причин не уезжать из Москвы, чем прежде.

В четверг с утра отправился в железнодорожную кассу, простоял там полтора часа и взял билет на воскресенье вечером, и то только потому, что пришел очень рано. Оставалось только захватить отметить командировку. Решил вначале направиться на улицу Репина, в музей Русского искусства, но почему-то ноги сами понесли меня по Крещатику совсем в другую сторону. Я вроде бы из чистого любопытства зашел в аэрокассу. Билеты на самолеты были любые – за сутки вперед.

И тогда я сообразил, что задерживаться не хочу – несмотря на то, что могу еще четыре дня бродить по музеям, по Крещатику, купаться в Днепре. Я снова встал в очередь и взял билет на завтра. В железнодорожной кассе, куда я вернулся, даже не успел подойти к окошку: билет на поезд у меня тут же кто-то купил, еще и поблагодарил.

Я все-таки успел побывать в тот день в музеях и во Владимирском соборе. Вечером, как все предыдущие дни, звонил ей, но не застал: вспомнил, что у нее сегодня последний экзамен.

Утром выкупался в Днепре, потом прошелся по Крещатику. В пять часов ТУ-104 уже был в Москве.

Я чувствовал, что волнуясь, набирая ее номер: дома ли?

- Алло! – Удачно!
- Оля, здравствуйте! Это я.
- Феликс! – судя по голосу, она обрадовалась. – Как вы там?
- Я звоню уже из Шереметьева: только что прилетел. Как ваши успехи?
- Сдала вчера. Последний.
- Ну, поздравляю!
- Сегодня отмечаем в ресторане. – А, черт!
- Феликс, вы не пойдете со мной?
- Только если удобно.
- Да, да! Приезжайте сразу ко мне: я жду!

Позвонил родителям. У них, слава Богу, все в порядке. Сказал, что сегодня к ним заехать не могу, буду на неделе.

Автобус-экспресс мчался по Ленинградскому шоссе. Прямо к ней, оттуда вместе в ресторан. Хорошо хоть у меня в портфеле свежая белая рубашка. И очень кстати, что цветы ей купил в Киеве. Надо спешить: она ждет меня.

Да, ждет – дверь открылась сразу же, как только я нажал кнопку.

– Феликс! – такой сияющей я ее еще никогда не видел.

– Оля! – Я даже не успел захлопнуть дверь, бросил портфель и притянул ее к себе, не думая уже, можно ли – она не отстранилась, прижалась лицом к моему плечу, и тогда я поцеловал ее: в губы.

– Олечка! – мне казалось, что я задохнусь.

– Феликс! – она не спешила освободиться от моих объятий. На лестнице за дверью слышались чьи-то шаги, я вынужден был отпустить ее.

– Хватит, – смеясь, сказала она, когда я, закрыв дверь, хотел опять обнять ее. – Нас ждать будут: дай мне одеться. Может, душ пока примешь – хочешь?

– Еще бы! Жарко сегодня. И брюки чуть смогу гладануть?

– Сможешь. Только все – быстро.

Мы были готовы в полвосьмого.

– Вашу руку, мадемуазель!

Такси поймали на углу. Начиналась светская жизнь. Едем в «Пекин», который из всех ресторанов, где бываю весьма редко, предпочитаю остальным. Не был там уже давно.

...Здесь все так же: те же чистые нежные краски росписи на потолке, запахи китайской кухни. Олиа компания занимала длинный столик за колоннами: две девушки и трое ребят. Они отложили меню и уставились на меня несколько растерянно. Юноша в очках покраснел: видимо, он пошел сюда из-за Оли.

– Вы извините, но Феликс только что прилетел из Киева, и я не хотела идти без него, – представила меня Оля.

Их, кажется, устроило, что я только что прилетел из Киева: в этом было что-то, значительное, причем делающее чем-то значительным и их. Как и все (похоже, и я), в кои то веки попадающие в ресторан, они искренне строили из себя светских людей: изысканно вежливо протягивали мне руки для знакомства.

Снова стали обсуждать меню. Они, видимо, были здесь впервые, – я, с видом знатока, объяснил им, что китайцы за праздничным столом едят много блюд, но понемногу каждого, и предложил сделать примерно так же. Заказали салаты из гороха маш и корейский, трепангов, вырезку с грибами сянгун и молодыми стеблями бамбука, яблоки, бутылку коньяка и две саперави.

Получилось что-то не очень дорого. Для парнишки, который покраснел при появлении Оли со мной, это обстоятельство, видимо, было не маловажным, потому что пока мы выбирали, я успел заметить в его глазах беспокойство: денег у него, наверняка, было немного, и он боялся

оказаться в неудобном положении. Даже взглянул на меня поприветливей – но почти тот час же, словно спохватившись, сердито отвернулся.

Официант, как всегда, не спешил. Мы курили и весьма чинно разговаривали.

Коньяк сразу подогрел: они вспомнили, что сданы все экзамены, оживились, заговорили свободней и громче. Вскоре заиграл оркестр.

Они никогда не начинают с модных танцев: мне это на руку. Шейк я, все равно, не умею, только старые – вальс, танго, фокстрот. Научился еще в школе.

Мы с Олей вышли одни из первых. Я медленно вел ее, – она очень хорошо слушалась. Чуть-чуть опьянел: от коньяка или оттого, что она со мной. Скорей всего. Только она, ее лицо, теплые искорки в глазах, тонкий запах ее духов, ее рука на моем плече, и томные звуки танго: как будто больше ничего нет и никогда не было.

Вечер очень удался. Было уютно. Тянули сухое вино, смаковали китайские блюда, болтали, курили – девушки, кроме Оли, тоже. Много танцевали.

Шейк я пропускал; Леня, чьим очевидным соперником я являлся, не танцевал совсем.

– Ты ее давно знаешь? – спросил он, когда мы остались за столом одни.

– Олю?

– Да: Олю!

– А ты? – уклонился я.

– Вместе учимся. С первого курса.

– А! – я так и не ответил на его вопрос. Сейчас я имел возможность жалеть кого-то – симпатичного мне парнишку: лет десять тому назад я был здорово похож на него.

Он разлил оставшийся коньяк:

– Выпьем: за то, чтобы ей было хорошо! – Мы чокнулись. – Счастливый ты!

Ну вот! И мне позавидовали. Да знал бы ты все... А впрочем, ты-то можешь это узнать и без меня: с тебя станет испытать то же самое на себе. Однако, эти мысли не задели глубоко, не сумели испортить настроение. Наши вернулись к столику, – он замолчал и ушел в себя.

Сидели еще долго. Но всему приходит конец: мы позвали официанта, чтобы рассчитаться.

Вечер был довольно теплый, хотя дул легкий ветерок и небо застилало облака. Мы расстались со всей компанией у метро. Шли пешком; она опиралась на мою руку.

– Я немного пьяная!

– Это неплохо.

– Леня тебе без меня не сказал ничего такого?

– Нет. Выпили с ним за тебя. Он, наверно, славный парнишка.

– Самый способный на всем курсе.

– Ухаживал за тобой?

– Пытался. Ты ревнуешь?

– Еще бы! – я остановился, чтобы поцеловать ее.

– А ты понравился нашим девчонкам: они мне сказали.

– Это твои друзья?

– Нет – просто, учимся вместе.

– А-а! – Я стал рассказывать о Киеве, не замечая того, что говорю ей и о том, что делал по работе. Она и это слушала с интересом.

На площади Пушкина мы свернули. Ветер становился сильнее, я набросил на нее пиджак. Где-то сверкнула молния, но дождя еще не было.

Только когда мы вошли в квартиру, я услышал его шум. Подошел к окну и увидел, что начался ливень. Приходилось ждать. Оля ушла переодеваться, а я уселся в кресло.

Комната была большая и уютная. Современная мебель и маленький шкафчик в стиле «буль», два отличных эстампа, старинный подсвечник, саксонские фарфоровые статуэтки – все очень сочеталось, говорило о вкусе и, одновременно, о хорошем достатке.

Оля вернулась в узких белых брюках и белой же в горошек блузке. Я улыбнулся.

– Что? Тебе не нравится?

– Нравится. Очень!

– А дождь идет?

– Идет.

Ну, и хорошо. Тем более что она садится на подлокотник кресла, обнимает рукой мою голову, – и я тоже, обнимая ее за талию, прижимаю крепко к себе. Мы сидели так – и незаметно задремали. Когда я очнулся, дождь еще шел.

Она открыла глаза.

– Ты куда не пойдешь, слышишь? Я сейчас постелю тебе здесь.

– Но соседи... – слабо попробовал я сопротивляться.

– А, ерунда! – Она принесла белье и постелила на тахте. Спать мне хотелось смертельно, до дурноты.

Она вышла, погладив меня по лицу. Я лег и сразу же будто провалился.

...Спал я крепко, без сновидений, и как всегда в таких случаях проснулся рано, совершенно свежим и бодрым. Я тихонько лежал, предаваясь приятным мыслям и разглядывая комнату. За окном негромко шумели листья тополей, светило солнце.

Потом встал, сложил постель, нашел в прихожей свой портфель и пошел в ванную. Умылся, стараясь не шуметь, вскипятил на кухне воду и соскоблил бороду.

Я вернулся в комнату. Посидел на подоконнике, покурил – и стал просматривать книги, стоящие за стеклом в шкафу. Увлёкся этим занятием, и когда взглянул на часы, было уже восемь. Я поставил книгу на полку и вышел в коридор. Открыл дверь в другую комнату.

Оля спала. Было жалко будить ее, – я осторожно присел на стул. Она была трогательно хороша. В тонкой льняной рубашке с гипюром; одна рука подложена под щеку, другая – поверх одеяла; рот чуть приоткрыт, дыхание тихое, спокойное.

Я уже подумал, не уйти ли, когда она открыла глаза и, увидев меня, улыбнулась:

– Феликс! – Я подошел к ней, она притянула меня к себе. – Доброе утро, мой хороший.

Как ты спал?

– Как убитый. А ты?

– Тоже! – она была теплая и свежая после сна.

– Купаться поедем? На теплоходе.

– Еще спрашиваешь! Сейчас встану.

Я вернулся в прежнюю комнату, снова взялся за книги. Но Оля вскоре появилась, уже умытая и причесанная.

– Идем скорей завтракать. – На раскаленной сковородке она быстро сделала пышный омлет, посыпала укропом, налила в стаканы холодный кефир.

Я был уже голоден как волк, а все было страшно вкусным. Она с удовольствием смотрела, как я наворачиваю.

– Почему ты масло не берешь?

– Я мажу хлеб только к чаю или кофе.

– Да? – это ее обрадовало почему-то. – И я тоже.

Собрались мигом. Пока она переодевалась, я освободил портфель, чтобы взять с собой, и заправил в аппарат новую кассету.

Купили в магазине уйму еды и бутылку рислинга. Зашли на рынок за огурцами и редиской.

В очереди за билетами в Северном порту нам подсказали неплохое место: пляж, правда, не первоклассный, но зато народу там всегда немного, и лес рядом. Оно таким нам и показалось с палубы. И мы высадились.

Я опустил портфель на песок. Она быстро сбросила босоножки, стянула через голову платье, – и сердце у меня учащенно забилось. В купальнике, черном с красным, плотно обтягивающем ее, Оля стала иной – волнующе ослепительной. Плавное изящество всех линий не скрываемого более платьем тела, еще более стройного, с тонкой талией; изгиб бедер беспредельно совершенный; девичий подтянутый живот и упругая грудь. Я чувствовал, как кружится у меня голова: так желанна стала она мне вся – не только душа ее. Я спешно закурил.

– Ну, что же ты! – Я сообразил, что так и стою еще одетый.

Спешно полез по тропинке наверх, где начинались кусты. Сначала докурил, потом только облачился в японские плавки с кармашком, которые мне недавно продал Сергей.

Оля сразу обратила на них внимание:

– Ого, какие!

– Еще бы! Знаешь, по какому благу достал? Полезли в воду?

– Подожди, остыть сначала нужно.

Я лег с ней рядом на песок.

– А ты там здорово загорел, в Киеве, – сказала она и легонько дотронулась до моего плеча. Сердце опять дало толчок.

– Ладно, пошли в воду! – крикнул я поспешно. Она послушно натянула шапочку.

Плавала Оля здорово, много лучше меня, и я старался не отставать. Пожалуй, все-таки не решился бы переплыть на тот берег, если бы не она. Только – чтобы не подумала, что боюсь. И ничего, даже не очень устал.

На этом берегу купающихся нет. Мы уселись на траву возле ивы.

– Ты там купался? – спросила она.

– Пару раз. А что?

– Ты мог там задержаться?

– Если бы захотел.

Она улыбнулась:

– Ты спешил? Из-за меня?

Я молча склонил голову, глядя ей в глаза и не улыбаясь. Ее лицо было совсем рядом. Оно было красным – но может быть, от солнца: на лбу у нее несколько капелек пота, – я вытер их ладонью.

– Знаешь, а ты неплохо сложен, – говорит она и, как на том берегу, снова касается моего плеча. И тогда я крепко обнял ее, прижал к себе:

– Оля! Олечка! – голова пошла кругом: исступленно стал целовать ее. Шею, плечи...

Нет, грудь не целовал – она тихо сказала:

– Пусти. Не надо: а то я сейчас расплачусь.

И я сразу опомнился. Отошел к дереву, встал спиной к ней. Сердце бешено колотилось. Я готов был убить себя.

И вдруг почувствовал, как она прижалась лицом к моей спине:

– Не пугай меня больше, слышишь? Ну, зачем ты так?

Я повернулся к ней:

– Прости! Я...

– Не надо. Успокойся!

– Я...

– Да, я знаю. Знаю.

Я сразу прыгнул в воду и нырнул: вода успокоила меня. Плыл под водой, сколько можно было, и когда вынырнул, она сразу поплыла следом. На обратном пути я все-таки в какой-то момент растерялся. Она видимо заподозрила это:

– Помочь?

Я отрицательно мотнул головой: если взять себя в руки, все будет нормально. Старался дышать спокойно и не суетиться без толку. Главное, не паниковать – осталось немного.

Берег был уже близко. Попробовал достать дно, но было еще глубоко. Еще метров десять, и я встал на ноги. Уф!

Мы вылезли и улеглись на песке. Солнце хорошо припекало.

– Оля, – сказал я ей, – ты – очень хорошая.

– Очень?

– Да. Ты самая лучшая.

– Я знаю. А ты – глупый.

– Да еще какой!

– Ты – самый, самый глупый.

– Правда?

– Нет! – она засмеялась и легонько пожала мне пальцы. – Мы оба глупые.

Но я чувствовал, что мне еще трудно говорить с ней как будто ничего не случилось. Задымил, потом схватил аппарат, стал снимать ее.

Снова залезли в воду. Далеко на этот раз не заплывали. Потом я нырнул несколько раз и, выскочив, стал снимать ее в воде. А она никак не хотела вылезать: пришлось крикнуть, что есть уже хочется.

Вверху, за кустами, сразу небольшая поляна, а за ней уже начинается настоящий лес. Вошли в него, а минут через десять вышли еще на одну поляну, заросшую золотыми купавками. Я начал их собирать.

– Зачем? Желтый цвет – к измене.

– Разве? Желтый цвет – самый радостный. Ты, оказывается, суеверная.

– Жутко!

Я бросил сорванные цветы:

– Сыро здесь. Пойдем дальше.

Расположились мы на третьей, совсем крохотной полянке. Она расстелила салфетку и разложила все, я открыл консервы, откупорил бутылку. Рислинг налили в кружки, – он приятно горчил. Как всегда на воздухе, все казалось необыкновенно вкусным.

Я отяжелел. Достал сигарету и задымил, привалясь спиной к дереву. Она собирала остатки еды и, завернув, засовывала в портфель.

– Половина осталась. Куда мы столько набрали?

– Потом съедим. Брось – не суетись, отдохни лучше: успеем убрать.

Оля села рядышком.

– Тебе нравится здесь?

– Да. Тихо как!

– Наелся?

– Даже чересчур! Аж в сон клонит.

– Клади сюда ко мне голову и спи.

Я положил голову ей на колени, закрыл глаза, – но не заснул.

– Феликс!

– А?

– Тебе хорошо со мной?

– Да: удивительно!

Она наклонилась ко мне – и вдруг начала что-то рассматривать.

– Феликс!
– Да?
– Ты знаешь: а у тебя – седой волос. А вот еще.
– Ну, и что? Пора.
– Тоже мне старик нашелся! Сколько тебе годков?
– Тридцать пять.
– Ай-яй-яй! Обманывать девушку – так нехорошо, так нехорошо! – она улыбалась, явно считая, что я разыгрываю ее.
– Приедем – паспорт покажу, хочешь?
– Ты что: серьезно? Тебе же не дашь.
– Рожа младенчески глупая.
– Глупая – это точно: ужасно! – она наклонилась снова, поцеловала меня. – Лежи, лежи – не убирай голову. Чудак ты: мне ведь все равно, сколько тебе. А знаешь, папа у меня тоже – выглядит моложе своих лет.

– Он кто?
– Юрист, адвокат. А мама – в молодости играла в театре, потом из-за нас, брата и меня, бросила.
– И кем сейчас работает?
– Она больше не работала: папа всегда очень хорошо зарабатывал. И брат стал юристом, работает во Внешторге. Сейчас опять укатил за границу.

– А: он старше тебя.
– На девять лет. Он уже даже женат второй раз.
– Дети были от первого брака? – не удержался я.
– Нет. У него и сейчас их нет: он пожить любит, для себя. Я его первой жене иногда звоню; ее и родители мои любили. Жаль, все-таки, что у них не было ребенка: может быть, тогда не разошлись бы. Как ты думаешь?

Я пожал плечами: мы вышли на опасную тему, и отвечать на этот вопрос слишком не хотелось. Снял голову с ее колен, стал закуривать. Когда сделал первую затяжку, услышал ее другой вопрос:

– А ты...? Ты – был женат?
– Да. Был, – ответил я, бледнея.
– Долго?
– Почти восемь лет.
– И...?
– Да. Дочь. Вот так!

Небо постепенно затягивалось неизвестно откуда появившимися облаками. Оля молчала. Я улыбнулся, не очень-то весело:

– Ну, вот! Теперь ты знаешь.
Она смотрела широко раскрытыми глазами и продолжала молчать.
– Как бы дождя не было, – сказал я. – Поехали домой!
– Купаться больше не будем?
– Если хочешь. Я – нет.
– Тогда и я – тоже.

Мы молча собрали и уложили в портфель оставшуюся еду и пошли к пристани. По дороге я наткнулся на сорванные мной купавки: они уже завяли. Молчали и когда ждали на пристани.

Настроение было испорчено, безнадежно. Тот – я, которым был до встречи с ней и который уходил, когда появлялась она, и покорно плелся за мной где-то далеко сзади, так что его не было видно, а рядом с ней шел я другой: спокойный и уверенный, интересный и остроумный – нормальный счастливый человек, – оказывается, на самом деле был за спиной у меня.

Я ошибался: он никуда не уходил. Он взял и подсунул мне тот вопрос о ее брате, который не следовало задавать, не рискуя вызвать ее мысль, почему я это спрашиваю. И он снова вошел в меня, отодвинул меня другого – felix'a, вновь сделал собой. Это произошло в ее присутствии, оно не только не помешало – наоборот: она сама пустила его своим невольным вопросом. Сейчас она и я – прежний, со своей бедой, обидой и тоской; со всем, что произошло со мной – оно опять отчетливо встало перед глазами: стоило потянуть кончик нити, и клубок начал разматываться. Я слышу:

– Феликс, тебя к телефону: твой па... – Нет!!! Только не это, не сразу, не сейчас: самое начало – самое, самое страшное. Потом! Неимоверным усилием я не пустил его: полезли другие воспоминания. Пусть – лучше они, чем то; то – потом!

К пристани подошел большой экскурсионный теплоход, набитый людьми, – к моей досаде: я предпочел бы «комету» – побыстрее добраться до Северного порта, и оттуда к ней, забрать свои вещи и исчезнуть, пока я буду такой. Не хочу, чтобы она видела меня таким – прежним, ненавистным мне самому. Когда он отступит, я снова появлюсь перед ней – каким она знала меня, и смогу рассказать ей все о себе.

Но она встала и пошла к трапу, и я пошел за ней: мне трудно было бы объяснить, почему лучше подождать «комету». На теплоходе сразу направился на нижнюю палубу: там на корме, бывает, никого нет. Так и оказалось, и мы устроились там, усевшись на чем-то, – вдали от всех: довольных, веселых, шумных.

Теперь плыть и плыть. Мне некуда деться: нахлынувшие воспоминания несут меня по времени.

2

Не о «том» и не о самом первом времени после «того». Это хоть удалось. Я впустил их с того момента, когда сколько-то, вроде, уже свыкся со своим тогдашним существованием.

Когда я открыл для себя бар «Белый аист». Зашел туда из-за того, что там было немного народу; продавали вино «Лидия», похожее по вкусу на виноград «Изабелла». Я взял стакан его с желанием быстро выпить и поскорей уйти: в подобных местах бывать избегал. Но вино вдруг показалось вкусным, – пил его медленно, устроившись у стойки, и чувствовал, как постепенно наступает легкий хмель и приятная расслабленность. Отправился оттуда ужинать, а потом, как почти во все тогдашние, казавшиеся бесконечными вечера – в кино. Причем спокойно и ел и смотрел на экран.

Он стал местом моего регулярного посещения сразу же после работы – практически, каждый день. Стакан Лидии – и я на целый вечер обретал некоторое успокоение, достаточное, чтобы смотреть фильм и даже читать: глаза уже не скользили машинально по строчкам, пока я продолжал думать о своем.

Иногда, когда в баре толпилось много народа, заходил в магазин и, принеся домой бутылку сухого, выпивал ее, сидя за книгой.

Так продолжалось несколько недель, – должно быть, даже целый месяц. Вне работы я ни с кем, кроме родителей, не общался – было трудно разговаривать с кем-либо: еще не мог ни о чем думать, ни говорить, кроме как о себе, о своем – кто обязан слушать скулеж неудачника. Женщины тоже по-прежнему вызывали лишь отвращение. Но, все же, я стал чуть спокойней.

...Потом был день, когда почувствовал себя опять мужчиной.

Помню, стоял в столовой, в длинной очереди. Думал о чем-то. И вдруг как жаром обдало. Я даже не понял, что это сразу вырвало меня из круга мыслей. Тепло спине – люди плотно стоят в очереди, – нет: и мягко. Скорей инстинктом, чем умом, сообразил: женская грудь. И мигом представил ее во всех подробностях. Стоял, не дыша, боясь пошевелиться – чтобы не повернулась, чтобы не исчезло это волнующее ощущение.

Она, как я, наконец, услышал, что-то говорила другой женщине, стоявшей в очереди человек на десять впереди нас, отчего и прижималась к моей спине: выйти из очереди не давало ограждение.

Но раздача была близко, там ограждение кончалось, и она перешла к своим. Я глянул на нее – совсем не то, что так живо представил себе: бесформенная, разлапистая. Но ощущение еще не изгладилось.

Весь остаток рабочего дня оно не давало мне покоя. Появилась проблема, – но она не пугала: кажется, начинаю оживать. Часто выходил курить, ходил в библиотеку. Главным образом, как я отчетливо осознавал, чтобы разглядывать идущих по коридорам женщин, стараясь незаметно скользить взглядом по бюсту, и дышал учащенно, когда мог увидеть в вырезе платья или блузки начало складки между грудями. Фу ты, черт!

Была пятница: впереди два выходных, томительных и ненужных мне. В «Белом аисте» полно народа: гам, табачный дым. А! Ничего: пора завязывать – можно совсем привыкнуть. Только этого не хватало!

Я отправился ужинать. Выйдя из шоферской забегаловки, встал недалеко от входа в нее, не зная, куда отправиться: в кино или домой. Не хотелось ни туда, ни туда. Наконец просто решил бродить по улицам, пока не надоест. Закурил и двинулся.

Шел, не выбирая маршрута, сворачивая в любой переулок, повинуюсь мгновенному желанию. Изредка попадавшиеся магазины пробудили тревожное сомнение: выдержу ли до конца, не ждет ли впереди бессонная ночь с горящей от неотступных мыслей головой? Тогда будет уже поздно. Надо, чтобы была у меня про запас бутылка сухого.

И я зашел в первый же магазинчик и, не обнаружив ничего, кроме водки и крепленых вин, двинулся дальше уже быстрым шагом. Несколько магазинов – и ничего подходящего. Какой-то троллейбус подкатывал, тормозя, к остановке; я побежал и успел вскочить в него – и поехал, не спрашивая его номер, глядя в окно. Мелькнул какой-то винный магазин рядом с мебельным, сошел на следующей остановке и вернулся к нему.

Бутылка ркацители придала уверенности: уже не было желания глотнуть. Внимание привлекла витрина мебельного магазина. Я встал около нее, закурил. За стеклом стояли «стенки», которые тогда только начали входить у нас в моду. Магазин еще был открыт, а идти домой чертовски не хотелось, и, бросив окуроч, я зашел. Внутри почти никого. Стал рассматривать «стенку»: их я видел до сих пор в зарубежных журналах. Эта – была с выдающейся нижней частью; называется «Напредок», если я правильно прочел твердый знак в написанном по-болгарски названии.

Какая-то женщина встала рядом со мной, тоже уставилась на «стенку». Постояла, посмотрела; потом, видя, что я не отхожу, этак робко, слегка дрожащим голосом спросила меня:

– Вы меня, пожалуйста, извините: вам это нравится, вы купить этот гарнитур хотите?

Ну, конечно: только приобретать мебель мне сейчас не хватает! Но какое кому дело. А меня обрадовала возможность хоть перекинуться с кем-то парой слов, как-то пообщаться. Сообщил ей кое-что из того, что знал по журналам. Она, что называется, смотрела мне в рот.

– Как журнал называется? – к нам подошел продавец. Я ответил; сказал, где находится наша библиотека. Ему явно тоже нечего было делать, возможность поболтать могла помочь скоротать последние полчаса до закрытия магазина.

Хорошо поговорить с незнакомым человеком о чем-то отвлеченном. Положительно называется на настроении. Факт.

А тетка исчезла, я за разговором с продавцом не заметил, когда.

Выйдя из магазина, я еще побродил по улицам. Разговор с продавцом, действительно, несколько отвлек меня. Даже появилось желание очутиться дома. Лечь с книгой – и, если повезет, даже заснуть. Минут через десять вышел к какой-то троллейбусной остановке. Ждал недолго.

Троллейбус был пустой, и я встал у кабины водителя в ожидании остановки: спросить, куда хоть идет. Но на ней какая-то женщина с двумя тяжелыми сумками начала входить – я подхватил их, чтобы побыстрее влезла.

– Ой, спасибо! – сказала она. Я узнал ту, с которой в мебельном магазине рассматривал «стенку». Спросил ее, куда еду: оказывается, катил совсем в другую сторону. Лучше сойти вместе с ней, пересест на автобус – быстро попаду к метро. Она мне покажет, как пройти к остановке.

Заодно вытащил ее сумки. Одна с журналами, другая с продуктами. Не легонькие даже для меня.

– Давайте уж донесу вам их, – предложил я.

– Неудобно как-то, с какой стати я вас стану утруждать, – она глянула на свои сумки. – А вообще-то, тут недалеко, – нерешительно добавила она.

– Вот и ладно!

У дома, расположенного внутри какого-то темного двора со сквериком, она вяло попыталась забрать их, – я таки донес на третий, самый верхний, этаж.

– Здесь?

Она чего-то мялась.

– Может, я вам что-то должна? – давясь, пролепетала она. – Вы не стесняйтесь, пожалуйста, сами скажите, сколько.

Это меня развеселило. Засмеялся – и совсем вогнал ее в краску.

– Ой, я, кажется, совсем не то сказала. Простите уж, пожалуйста!

– Да ничего!

– Может, я хоть чаем вас напою, а? С вареньем. Я ведь уж и не чаяла дотащить, – глаза ее за стеклами очков казались страшно виноватыми.

Ладно, пусть напоит чаем, угостит вареньем. Посижу и поговорю, благо человек ничего обо мне не знает. В общем-то, мне не так уж и хочется домой.

Коридор, куда мы вошли, был недлинный, но очень широкий. Сунул сумки под вешалкой. Помог ей снять пальто, потом она сняла шапку, – и я удивился, как она сразу изменилась, став без них намного моложе: моя ровесница, в крайнем случае, старше всего на пару лет. Кофточка уж больно симпатичная была на ней, крупной вязки, нежно пастельного цвета. Она почувствовала мой взгляд и с какой-то горделивостью оправила ее.

Кухня, в которую я помог ей отнести сумку с продуктами, поразила размерами: метров шестнадцать, никак не меньше. Обставлена наполовину, как жилая комната: обеденный стол, кушетка, кресло. И телевизор стоит.

– Разве в этих домах не коммунальные квартиры? – спросил я удивленно.

– Да, конечно. Эта – во всем доме – одна отдельная. – Она увела меня в комнату, обставленную какой-то сборной мебелью, и попросила немного обождать.

Слышно было, как на кухне лилась вода, хлопала дверца холодильника. Я закурил, искал глазами пепельницу – ее не было.

– Извините, – сказал я, когда она заглянула в комнату, – закурил без спроса.

– Да, пожалуйста, пожалуйста!

– Пепельницу какую-нибудь можно?

– А, да! Сейчас, сейчас.

Чай она подала на специально постеленной вышитой скатерти, варенья поставила несколько сортов, да еще тарелочки с колбасой и сыром, баночку шпрот.

– Садитесь, пожалуйста!

– Вы же меня только чаем поить собирались.

– И закусить немного не мешает.

– Закусывают вино, – я пошел, принес свою бутылку. – Слабенькое, не бойтесь, – чистое сухое.

Вскочила, рюмки достала.

– Будем здоровы!

Она была непривычна к сухому вину: это я понял по той тени разочарования на лице, с которым она сделала свой второй глоточек.

– Кисловато?

– Да, знаете. Мы больше привыкли пить наливочку.

Тогда я предложил сварить глнтвейн. Корица у нее нашлась, и даже в большом количестве. Рецепт я когда-то прочел в какой-то книге, но помнил смутно. Положил сахару и корицы на глаз, еще бросил две гвоздичины на всякий случай. Нагрел до того, что вино стало чуть парить.

А получилось совсем таки неплохо: горячее, сладкое и пряное пошло. Оба с удовольствием выпили по большой рюмке. Она вскоре раскраснелась, глаза заблестели, оживились, и тут я, чувствуя, что сам прихожу в более приятное состояние, рассмотрел ее как следует. У нее, оказывается, было таки не такое уж плохое лицо: с мягкими чертами, нежной кожей. Губы чуть пухлые, нос с крохотной горбинкой. И короткая прическа явно идет ей.

Она немного разошлась, и мы завели разговор. Благо познакомились в мебельном магазине: подробнейшим образом обсуждали качества болгарской «стенки» «Напредък».

– Для такой комнаты – самое подходящее. – И в самом деле – вдоль одной стены становятся предметы собственно «стенки»: сервант и бар со стеклянными полками сверху, такого же размера необычный секретер с подсветкой и двустворчатый гардероб. Остальные предметы:

диван-кровать, два массивных кресла, два пуфа и журнальный столик тоже мысленно расставили по комнате, и она обрела весьма современный, очень уютный вид.

Выпили еще глинтвейна – и все переставили: диван поставили не против «стенки», а сбоку от нее – там, где вначале поставили кресла и столик, которые теперь поместили в угол у окна, против «стенки» и входа; получилось гораздо просторней зрительно.

Еще глинтвейна втянули и стали обсуждать обивку: цвет – красный или синий? Синий – это необычно, неизбито. Но, пожалуй, холодно, мертвенно. Красный, все же, лучше. К тому же, можно и красный палас положить на пол: у нее есть возможность именно такой достать.

За обсуждением цены прикончили остатки глинтвейна. Семьсот пятьдесят рублей – это, безусловно, самый дешевый гарнитур. Пять жестких и пять мягких предметов. Кресла немного тяжеловаты, но это как раз и модно сейчас. И фанеровка весьма неплохая: полированный ореховый перед с приличной текстурой; красное дерево, тоже полированное, кое-где внутри; лакированный дуб с боков и сверху.

Поскольку глинтвейн кончился, стали пить чай с вареньем, которое все было довольно засахарившимся: по-видимому, хранилось очень давно. Взятая нами тема обсуждалась и обсуждалась, мы не отклонялись от нее. Как будто ничего на свете для нас больше не существовало. Непонятно, почему. Я лично никакую «стенку» покупать абсолютно не собирался; она, похоже, тоже: мебель в комнате была хотя и не современная и несколько мрачноватая, но не настолько страшная, что ее немедленно нужно менять. Просто, тема для разговора: удобный предлог для общения не знающих куда себя деть от одиночества людей.

От выпитого глинтвейна и чая стало жарко. Я не выдержал и расстегнул пиджак; она несколько пуговок своей красивой кофточки – и я учащенно задыхался: разрез и начинающиеся округлые выпуклости белоснежной груди в вырезе блузки!

Да это же женщина! Да, черт меня побери! Я болтал и был доволен, Я готов был говорить с кем угодно – а это ведь женщина, и, может быть, с ней будет возможна не только разговорня. Не сразу, конечно: потребуется время. Надо воспользоваться этим, первым моим, знакомством: начать встречаться, и тогда – потом, когда-нибудь, может быть... Я поспешно закурил.

Говорить стало трудней. Она тоже как-то сникла. И я решил, что мне лучше всего попроситься и уйти.

Стал натягивать пальто, соображая, как бы более ловко спросить номер ее телефона (аппарат стоял в коридоре в нише), и тут только вспомнил, что даже не спросил ее имя. И не назвал свое.

Я поднял голову. Она стояла рядом, улыбаясь мне. Доверчиво и робко, и устало немного.

«Потом. Когда-нибудь. Может быть...» Зачем? У других это же все сразу. Чем я хуже? Ну, возьму вдруг – обниму ее и поцелую в губы? Что она сделает: даст по морде? Едва ли. Ну, а если и даст: а что она – чем-то дорога мне, и я ее боюсь потерять? Тогда – гуд-бай: не знали друг друга – и дальше не знаем. Не страшно!

Все-таки я был немного хмельной, чуть-чуть, самую малость, но – все-таки. И я сделал это очертя голову, боясь не успеть – не дать самому себя схватить за шиворот рассуждениями.

...Она оказалась девственницей.

...Проснулся я поздно и еще долго ворочался, не желая открывать глаза. Наконец разлепил их – и сразу открыл широко: вспомнил все.

Я был один. Ее не было: где она было понятно по аромату горячих оладий, проникавшему с кухни. Я еще немного поворочался на перине.

Она крутилась на кухне. Скворчало масло на сковородке, и кастрюля была полна пухлых ноздреватых оладий. А на столе – аккуратно нарезанные и разложенные колбаска с сыром, буженинка и рыбка дефицитная, банки со сметаной, вареньем, медом. И сама она – в свежем

халатике, с чуть растрепанными волосами. Опустила руку с ножом, которым переворачивала оладьи, стоит и ждет.

Я привлек ее к себе, поцеловал в шейку. Она закрыла глаза:

– Выспался, да?

– Ого, еще как! Давно так не спал. Никак толком не проснусь. Под душем бы ополоснуться.

– У меня нет душа. И ванны тоже нет. Вообще, – казалось, для нее сейчас это было страшное несчастье.

Тогда я наклонился к кастрюле с оладьями, втянул носом воздух и, восхищенно помотав головой, выдохнул его в звуке:

– А-а-а!

Я ополоснулся над раковиной – по пояс холодной водой, растерся подданным ею чистым полотенцем.

Мы сидели и завтракали. Рядом. Ее полноватые руки с ямочками на локтях мелькали, подкладывая мне на тарелку то одно, то другое. Все было необыкновенно вкусным, но ей казалось, что я плохо ем.

– Вам бы рюмочку вначале, да?

– Рюмочку? Пожалуй, можно.

– Да ведь нету: хотела сходить, пока спал, да... – она замолчала: казалось, может вдруг заплакать.

– Ты боялась, что могу уйти без тебя?

Она закивала.

– Не ушел бы? Если бы проснулся без меня, а?

Я пожал плечами:

– Да нет, наверно.

...Когда в мгновенном порыве решимости я, взяв ее за плечи, прижал к себе и потянулся ртом к губам, она не противилась: казалось, не могла.

Потом мы сидели и молчали: тема «стенка» «Напредък» нам больше не требовалась. Покорная, тихая, она иногда вдруг отвечала поцелуем, похожим на взрыв, и прижималась ко мне, закрыв глаза: в каком-то ужасе передо мной, будто ища защиту от меня – у меня же.

И так же прижималась ко мне потом – когда все было кончено, прятала лицо у меня на груди, и я тихонько гладил ее волосы.

– Вас как... тебя зовут? – первая спросила шепотом она.

– Феликс. А тебя?

– Фаина. Фая. Тоже на фэ. – Я невольно усмехнулся про себя.

Успокоение после обладания ею мешалось с разочарованием. То, что было только что, не доставило удовольствия – акт не наслаждения, а, будто, мести той, с которой я прожил восемь, отнюдь не счастливых, лет. Это была первая после нее женщина, тело ее никак не хуже тела той, но все во мне ожидало только того же, что было в той и с той, и ничего другого.

Лишь горделивое, не без горечи, сознание возможности обладания телом женщины, еще днем казавшееся жутко недоступным. И после сон...

– Слушай, ну почему ты все время путаешься: то ты, то вы?

– Извини. Сразу все это...

– Не жалеешь?

– Что ты! Феликс! – она глядела мне в глаза, улыбалась. – Имя какое хорошее у тебя. Ты ешь, ешь!

– Не могу уже больше. Лучше давай решим, чем заняться. Сходим куда-нибудь, или что другое предложишь?

Она вдруг заговорила весело и деловито:

– Давай сходим в мебельный. Я ж надумала: ту «стенку» болгарскую надо ведь купить. Ничего: не дорого – можно. И тебе она нравится. – Ишь ты! – Поможешь? А то я одна и не выберу как следует.

– Конечно. А старую мебель куда?

– В коридор пока.

– Тогда давай одевайся.

– Посуду только уберу. Да я быстро, ты не бойся!

Я курил, устроившись на кушетке, глядел, как она прибирает со стола. Аккуратисточка, и делает быстренько: ахнуть не успел, как все было убрано и вымыто.

Она сегодня в том же пальто выглядела иначе: то ли оттого, что глаза у нее сияли, то ли что я уже видел ее другими глазами.

Отправились в тот же магазин: и близко довольно, и знали, что там есть эти «Напредьки».

Стоявший в зале оказался поврежденным. Отыскал вчерашнего продавца.

– Решили купить его? – несколько удивленно глянул он на нас.

– Именно. Только тот, в зале, поврежден.

– Я знаю. Еще два есть.

Повел во двор, вскрыл ящики. Вытащили предметы: обивка красная, фанеровка очень хорошая. Несколько дефектов – практически не заметны.

– А второй можно глянуть? – попросила Фая. Но тот был хуже: главное, обивка синяя.

Пошли платить, и тут выяснилось, что машину можно заказать только на вторник. Помог опять же знакомый продавец, которому Фая через меня подкинула.

Привезли, вытащили. И началась возня. Таскали ящики из старого шкафа и буфета, посуду, белье, одежду. Выносили в коридор старую мебель, вносили новую в комнату. Стали ставить «стенку», как задумали вчера; собирать нижние части с верхними. Инструмента было маловато: только то, что ей дали соседи, – своего у нее почти не было. Не все сразу лезло. К тому же, я не такой уж умелец: больше беру старанием.

Уже стемнело, а до конца было далеко. Она предложила поесть, но я отмахнулся: вошел в ритм и делал, почти не куря, чтобы не терять время – курить, зажав сигарету зубами, не могу.

Потом она начала собираться в магазин, – я стал отговаривать, даже открыл ей холодильник, чтобы убедить, что незачем ходить.

– Но отметить хоть немного надо? – этот аргумент, по ее мнению на меня должен был подействовать.

– Не сегодня: когда кончим. – Настроение было и так, без спиртного, – впервые за все бесконечное последнее время. Она ткнула мне в грудь лицом: слова мои были для нее обещанием не уйти, остаться у нее и в эту ночь.

Провозились и все воскресенье; я звонил от нее родителям, пока она ходила за хлебом. Ушел от Фаины в понедельник, прямо на работу, и после нее заскочил домой, только чтобы сменить рубашку и взять кое-что из инструмента. Ехал к ней, зная: тебя кто-то ждет, ты кому-то нужен, чтобы быть вместе.

Ужин ждал меня. После него я продолжал возиться с всякими мелочами: с помощью паяльника заделал сургучом и черным воском, которые получил от продавца в мебельном, мелкие выбоины; начал делать проводку к столу-секретеру. А она, быстренько вымыв посуду, стала таскать вещи, загружать «стенку». Опорожняла старый гардероб, временно пристроенный в коридоре, и раскладывала в новом в том же безукоризненном, совершенно потрясающем порядке.

Назавтра я сделал перерыв: поехал после работы к родителям – навестить и, заодно, помыться в ванне.

Но в следующий вечер снова был у Фаины. Доделал проводку, взялся за остальные доделки.

В четверг она уже начала ставить посуду, хрусталь и безделушки. Это она, по-моему, делала не совсем как надо.

– А ты говори, как, – сказала она и делала дальше уже по моим указаниям. Беспрекословно переставляла, и не один раз, если сразу не получалось.

Так дотянули до следующей субботы. Домой я не ездил, каждое утро уходил на работу от нее, – она вставала раньше меня, чтобы накормить горячим завтраком, сама утром только пила чай вместе со мной, – и вечером ехал к ней сразу после работы.

В субботу утром проснулись почти одновременно. Оглядели комнату: все было уже сделано, она выглядела очень современно. Не хватало только паласа на пол.

– Ну что, подъем? Завтракаем по быстрому – и куда-нибудь. А?

– Куда спешить: суббота. И уходить отсюда теперь не хочется. – Она поцеловала меня, обняла полной белой рукой. Тело ее манило теплом. «Неделя уже прошла: можно».

Но она начала опять дремать, и я не стал ее тревожить. Ушел на кухню, сварил черный кофе, закурил. Потом от нечего делать стал осматривать квартиру.

Очень она была необычная. Сам дом старый, с обшарпанной лестницей и грязными окнами на ней; сыроват – штукатурка кое-где вздулась. Комнат две. Та, где стоит «стенка», метров пятнадцать, должно быть. Другая поменьше, метров десять, длинная – там сейчас не пройти: заставлена мебелью, которую мы туда впили, освободив коридор. Он – особенно интересен: от стенки до стенки руками, поднятыми на уровень плеч, не достанешь. В нем две большие ниши: в одной вешалка с галошницей и полочка для телефона. Вторая – огромная совсем: два метра длиной, полметра глубиной, метр восемьдесят высотой. Если снять старый гардероб с нижней части – влезет. Надо ей сказать.

Наскучивши болтаться, вернулся на кухню, поставил варить макароны. Разбудил ее, когда они были уже готовы.

– Ой, да зачем ты, я бы сама. Разбудил бы меня, – но я видел, что было ей страшно приятно.

Потом я потащил ее на улицу. Хотелось сходить в какой-нибудь музей, но она взмолилась: устала за прошлую неделю, а там опять на ногах, ходить все, – не сегодня, ладно? Я уступил: пошли в кино.

До начала сеанса заглянули в буфет, уселись за столик: я с пивом, она – лимонадом.

– Феликс! – неожиданно услышал я хорошо знакомый голос. Ирка, двоюродная сестра. О Господи!

Ощупывание взглядом. Фая ничего не понимает, но начинает улыбаться довольно таки жалкой улыбочкой.

С сестрой какая-то перезрелая знакомая. Некрасивая, но с претензией. Не исключено, что Ирка хочет нас познакомить: вероятно, даже, что оказалось с этой знакомой в кинотеатре, случайно увидев, что я туда вхожу, – присутствие со мной женщины ее не смутило. Она же может просто познакомить, показать. На всякий случай.

Глядит на Фаину. Сегодня она сначала обсудит со своей мамой, моей родной тетужкой Елизаветой, – и позвонят, а может быть, и подъедут к моей маме. Обсудят все – внешние данные и все возможные варианты и последствия. То, что терпеть не могу – быть темой.

Но внешне сейчас все в рамках: несколько слов, ничего не значащих, но достаточных, чтобы я мог успеть рассмотреть ее приятельницу. «Спасибо, я не хочу» – на Фаино предложение лимонада. И ушли в фойе. Я заметил только, когда входили в зал, как они со своих мест нас рассматривают: сестра – Фаину, знакомая – меня.

Настроение было подпорчено. Фильм смотрел без удовольствия; выйдя, сразу закурил.

Я свернул в первый же магазин, пошел к прилавку винного отдела – ни слова не говоря, но она шла за мной.

Ого, «Vanna Tallinn» – мой любимый ликер!

– Самое оно, будь уверена!

В кондитерском отделе взяли тортик и свежесмолотого кофе.

– Неплохой магазин, – заметил я.

– Хороший, – согласилась она, вздохнув: я не дал ей платить – в конце концов, с какой стати она все это время бесплатно кормит меня.

Глоток ликера, душистого, сладкого, крепкого – не проглатываешь, пока не разбавишь во рту горячим кофе. Тянешь не торопясь, и приятная истома начинает мягко обволакивать мозг.

Включаю телевизор на кухне. Ничего интересного. Хочу выключить, но потом переключаю на УКВ. Скрипичный концерт Мендельсона, самое начало: какая удача!¹ Я забываю обо всем.

Как будто издалека, из времени, давнего невероятно, слившегося вдруг с сейчас. Звуки обмывают душу, уносят горечь и обиду, говорят мне то, что ни от кого не могу дожидаться. Слезы катятся у меня из глаз – я долго не замечаю их. Ничего, вообще не замечаю.

Я не вижу ее: она исчезла вместе со всем окружающим. Только очнувшись, не сразу, вспоминаю о ней. Слезы застилали глаза, и я подумал, не видела ли она их. В левой руке рюмка с недопитым ликером, в правой чашка с остывшим кофе, – я ставлю их на стол, вытираю ладонью лицо, и тогда поворачиваюсь.

Она сидит и вяжет на спицах – и видно, целиком поглощена своим занятием: на меня не смотрит. Рюмка и кофе, чуть отпITYе, надкушенный кусок торта рядом. Почувствовала мой взгляд, подняла на мгновение голову, глянула рассеянно, и снова сразу опустила – к вязанию, к спицам.

Что-то сразу кольнуло меня: то, что меня так взволновало, ей безразлично: она не слушала. Жаль!

А впрочем: что я, вообще, о ней знаю? Кто она по сути своей? Что ж: смотри. Только смотри – и не учи, не подправляй ее: увидь ее, какая есть, не принимая желаемое за действительное. Чтобы, если захочешь, решать что-то. Хватит того, что было: не надо больше никаких иллюзий, незачем выдумывать что-то, чего и в помине нет. А то повторится то же самое. Нет уж: видеть надо какой человек на самом деле есть – сейчас. Надеяться на потом, что переделаешь взрослого человека – чушь. Брать надо из того, что уже есть. Вывод из собственного опыта: обошедшегося слишком дорого.

Я сварил новый кофе. Выпил еще ликеру, закурил. Мы оба молчали. Она – сосредоточенно двигая спицами, я – разглядывая ее. Так кто же она?

– Твой кофе остынет, – заметил я.

– А, да, да! – она отхлебнула кофе.

– А ты с ликером, вот так.

– Захмелею. Хочу повязать немного.

– Оставь: отдыхаем сегодня.

– Так для меня ж это не работа: возьмешь спицы, вяжешь – и покойно, покойно так.

И узор какой хороший нашла, – она ткнула рукой в раскрытый журнал. Рядом стояла сумка, набитая ими: из-за всех случившихся дел она так и не разгрузила ее.

И все же я не дал ей вязать, молча забрал спицы, и она не сопротивлялась. Ликер, да еще вместе с кофе и тортом, понравился ей. Я перетащил все в комнату, поставил на журнальный столик; мы уселись в креслах друг против друга.

Блаженно улыбаясь, она разговорилась. И я узнал почти все из того небольшого, что она могла рассказать о себе.

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=OJfKlp1ZfSg>

...Росла с мамой и тетей; мама была старше, но немного красивей – тетя была некрасива. Отца не помнит: кажется, его и не было.

– То есть?

– Мама, я думаю, и не была замужем. С кем-то специально сошлась, только для того, чтобы родить меня. Тетя как-то обмолвилась, когда мамы уже давно не было.

Они обе неплохо зарабатывали: мама работала в хорошем ателье, еще и так брала заказы, а тетя – шеф-поваром в ресторане. Она была дочкой обеих: одевали ее, как куколку. Даже в войну она особой нужды не помнит.

А потом мама умерла. И болела недолго. Сразу после войны – она тогда была еще совсем девочкой.

Тетя и кормила, и одевала ее по-прежнему, но была с ней строга: подружек можно приводить только по ее выбору, и если что, то пусть больше не приходит. Домой чтобы вовремя. Порядок чтоб дома всегда, и выглядела обязательно аккуратно.

Не успела техникум закончить, тетя начала прихварывать, а потом и вынуждена была уйти с работы. Добра в доме было немало; кое-что поначалу продали, чтобы жить по-прежнему, – главным образом, питаться: тетя любила вкусно покушать. А потом она устроилась в артель инвалидов – делать искусственные цветы, и зарабатывала немало, потому что Фая ей много помогала.

Такая была жизнь: работа, магазины и домой – там готовка, уборка и изготовление цветочков в неизменном обществе тети. Летом добавлялись еще заготовки: варенье всех сортов в солидном количестве – себе к чайку, гостей, бывших тетиних коллег, принять; наливочки – единственное спиртное, что водилось в их доме. Буфет всегда ломился от банок. Тетя даже отпускала ее в ночные поездки за грибами, когда давали автобус на работе: чтобы засолить и замариновать свои.

Так и жила. Дома идеальный порядок – ни пылинки, и тетя, строгая с ней, но взявшая на себя всю заботу думать и решать. Развлечений, кроме поездок за грибами и редких культ-походов или экскурсий от работы куда-нибудь, еще гости, тетины, не слишком редкие: тетя была довольно общительной. Иногда она говорила своим подружкам:

– Пора бы ее и с рук сбить. Помогли бы – познакомили. А то сама больно робка.

Обещали – забывали, но раза два приводили: один – ей совсем не понравился, другой – тете.

– Ничего – не старая еще: куда торопиться!

А после у тети начались обострения – тут уже все побоку. И цветы не крутили, хрусталь либо ковер продавали – чтобы врачи из платной: лучшие, профессора.

И еще – в глубине души – опасения: всякого наслушалась на работе. Тетя вот, да и мама, прожили так – и ведь ничего. А тут все менять: страшно.

Так вот и крутилась: только дома, только с тетей – не вылезая почти.

Два года тому назад тетя начала сразу резко сдавать: слабела на глазах. Стала заговаривать с Фаем о своей смерти, о том, как она без нее жить будет. Подробненько. И еще сказала, что сберегла для нее немало золота и камешков, что остались еще от покойной бабушки, – припрятаны были на черный день, да обошлось. Сказала, что где, достать велела и принести; показала все, сказала название каждого камешка и цену каждой вещи.

После смерти ее как что оборвалось: пусто стало. Незачем было, а спешила домой – убираться. Готовила ужин, а в рот не лезло – пропадало, и готовить стало редко: так как-нибудь. Варенье пора было варить – а для кого, зачем: в буфете банок еще полно осталось. В общем: делай, что хочешь – да не хотелось. Даже телевизор, который совсем им с тетей не мешал цветочки делать, не включала...

Я спешно налил ей еще рюмку ликера. Она сделала несколько глоточков.

... Так вот и жила поначалу, не зная, куда себя деть. С работы домой уходить не хотелось: там люди, разговоры, которые, хотя она в них не участвовала, отвлекали.

Ее дело, как и других – следить за приборами. Снимать и записывать в журнал нужные показания; они же отвечают за своевременную поверку и смену приборов на пультах. Если строго все выполнять, то ЧП почти никогда не будет, а у нее был порядок, как дома, да еще она лучше других чувствует, если с приборами что-то неладно: потому у нее ЧП ни разу и не было. А без ЧП остается еще свободное время: можно поболтать. Еще некоторые успевают вязать, понемногу, прямо на работе, только так, конечно, чтобы особо не видели.

Там ей и показали, как это делать: попросила, чтобы чем-то занять себя. Получилось у нее как-то сразу, и когда показала первую связанную кофточку, сослуживицы ахнули: ни малейшего изъяна, а быстро – будто этим уже давно занимается. Еще бы не быстро: пришла домой, и почти сразу за спицы – свободна ведь – и до ночи. Нравилось: успокаивает очень – так и говорили.

Уже через полгода вязала лучше всех на работе. Почти всем у себя связала по кофточке – бесплатно, только шерсть, конечно, их была. Потом одна из сослуживиц попросила связать для своей подруги – за деньги уже. Сама назвала цену, небольшую, но вмешалась другая сослуживица:

– Ты что: за такие деньги? Знаешь, сколько все берут – да еще вяжут вдвое дольше?

Но Фая сверх той цены ничего не взяла: делала за деньги ведь первый раз. А заказчица, придя за кофтой, еще и торт принесла, благодарила долго.

Кто-то еще иногда пользовался: просил связать своей родне, за невысокую плату. Но чаще стали приходиться те, кто платил как следует. Стоило уже: любую вязку быстро осваивала, да еще чувствовала сразу, кому что пойдет – от матери, видно, унаследовала.

– И та кофточка – не покупная, не импортная: своя.

Много вязала: не ради денег – для занятия времени и успокоения. Но деньги, все равно, шли – и немалые, а девать их было некуда – копила просто, даже на книжку не клала.

Иногда накатывало что-то, даже вязать не могла – петли путала. Но быстро проходило.

– А теперь ты есть – и вот хорошо мне. – Я улыбнулся неожиданному, чисто библейскому, обороту ее последних слов.

– Давай пересядем. Туда, – я кивнул в сторону дивана.

– Зачем? – слегка заплетающимся голосом спросила она.

– Затем. Разве ты не хочешь? – И она засмеялась и сказала:

– Хочу.

... Я очнулся от сна, когда за окном было уже совсем темно. Мы лежали рядом, раздетые, и она грела меня своим теплым белым телом. Я медленно провел по нему рукой – она не проснулась, продолжая тихонько похрапывать.

Становилось жарко, и я вылез из-под пледа, включил свет в секретере. В бутылке на столике еще был ликер, я налил себе, медленно высосал рюмку. Но он оказал на меня, как это иногда было, обратное действие: я стремительно начал трезветь – и оттого почувствовал себя совсем здорово. Даже есть захотелось.

Вытащил антрекоты из холодильника, побил их ножом и поперчил. Начистил картошки, поставил ее жарить.

Пошел ее будить. Она мотала головой, не желая просыпаться. Да и я, грешным делом, больше глядел на ее не прикрытые прелести, чем старался растормошить ее. Чуть не соблазнился снова улечься с ней, но вовремя вспомнил про картошку, – убежал на кухню и оттуда услышал, что она встала. Тогда поставил еще одну сковородку: жарить антрекоты.

Через несколько минут она вышла, накинув халатик, на кухню. Подошла ко мне, поцеловала еще чуть липкими губами:

– Хороший ты мой!

То были наши первые дни.

Для разгона это был самый, можно сказать, кусок воспоминаний. Я внутренне даже смог чуть взять себя в руки. Во всяком случае, когда Оля что-то сказала, я сразу ответил ей, хотя почти тут же забыл, что она мне сказала, и что ответил я. Но, кажется, я даже улыбнулся, когда говорил.

3

И снова ушел в себя, свои воспоминания. О тех нескольких буквально бешеных днях. Я проснулся.

Проснулся оттого, что нечем было дышать. Весь покрытый липким потом. Сердце бешено колотилось, раскрытым ртом я хватал воздух. Рядом тихонько посапывала Фаина, руки которой только что мелькали перед моим лицом в кошмарном сне, от которого я очнулся.

Снилось мне, что весь я внутри вязаного шерстяного кокона. Мелькают руки Фаины со спицами, и мне становится все мягче и теплей. Шерсть пушистая, и пестр узор. А она все вяжет и вяжет, и кокон становится плотней и тесней: я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Спицы мелькают быстрее и быстрее, уже обвязан рот, жутко душно, и невозможно дышать – крик мой тонет в шерсти. Остались только глаза, – спицы мелькают, и скоро ничего не будет даже видно: все кончится. Я сделал судорожное движение: успеть освободиться от кокона, – и ...проснулся.

В комнате, действительно, буквально нечем было дышать: форточка снова была закрыта. Лежавшая рядом женщина казалась страшной, как и нестерпимое тепло, испускаемое ее телом через ночную сорочку.

Преодолевая сердцебиение, я сел – и как только оно чуть утихло, пошел на кухню. Долго пил из крана холодную воду. Потом открыл настежь форточку и жадно дышал свежим воздухом.

Появилась Фаина: я, видно, разбудил ее, когда открыл кран. Сразу же исчезла – и через мгновение поставила передо мной тапочки:

– Простудишься! Что с тобой?

– Ничего! Иди ложись, – не очень-то любезно ответил я.

– Может, нужно что тебе?

– Нет! – почти крикнул я: чувство раздражения переходило в глухую злобу. Чтобы не сорваться, заперся в туалете.

Вылез, когда стихли ее шаги. Свет на кухне горел, и на столе лежали мои сигареты. Жадно закурил, но благодарности к ней, все равно, не чувствовал. К счастью, она не появлялась. То ли уснула, то ли боялась потревожить меня. Во всяком случае, не мешала. Курить и думать.

Вообще-то, она никогда не мешала мне ни курить, ни думать – почти всегда молчала, занятая чем-то: готовкой, уборкой либо своим любимым вязанием; ждала, когда я заговорю с ней. Старалась без слов угадать мои желания, чтобы, так же молча, их моментально выполнить. Не мешала, но я только курил – не думал: почти все время, когда не спал, находился в лениво дремотном состоянии. Только мысль о произошедшем, о моем ребенке – всегда была со мной. Но и она, наконец-то поутихла, резкая боль ее притупилась: будто уже подсохла, покрылась тоненькой пленочкой открытая рана.

Наверно, благодаря тому, что много спал. После обладания ею, казалось, вопреки приходившему ощущению бодрой свежести, незаметно и быстро засыпал – и это было самое большое благо, которое я получал. Остальное приносило только разочарование: тело мое продолжало ждать привычных ощущений – тела Леры, и никакого другого. Акт длился отвратительно долго, и чтобы завершить его, приходилось всячески напрягать воображение.

Сонно-дремотному состоянию способствовал и алкоголь – бар купленной «стенки» она набила до отказа бутылками, содержание которых в иных случаях помогало справиться с обычными моими тоскливыми мыслями. А несколько раз и с вдруг пробудившимся раздражением, вызванным ею. И я лез тогда в бар, наливал на доньшко бокала коньяк, ром или ликер: посапывал маленькими глоточками жгучую жидкость: легкий туман обволакивал мозг, и она уже казалась мне ничего – я отмякал и звал ее. Потом засыпал.

И вот, наконец, проснулся: видимо, отоспался уже. Голова была совсем ясная: сна ни в одном глазу.

Ночь за окном, темная. Ложиться – нет, конечно. Сигарет хватит до утра: не придется идти за новой пачкой, доставать из бара – их запас там же, где и бутылки со спиртным.

Ну, а может быть, все-таки, пойти лечь? Взять ее – и потом проспать оставшиеся до утра часы? Нет!!! Ни за что! Лучше остаться здесь: курить и думать – благо, я проснулся.

Проснулся! В каком-то недоумении обвожу глазами кухню: что я здесь делаю? Как, вообще, попал сюда? Все кажется чужим: кухня, табурет, на котором сижу. И женщина там, за стеной.

И хочется уйти – немедленно! Осторожно двигаясь, притащил на кухню свою одежду, потом портфель, сунул в него свои бритвенные принадлежности. Натянул на себя все, кроме пальто и шапки.

Но неожиданно стало неудобно – уйти просто так, не попрощавшись. А за окном все еще было темно, и я поставил чайник на плиту, вытащил обратно бритву и долго брился.

И все же, когда небо стало светлеть, и почти дождался, что вот уже скоро можно уйти отсюда, вдруг представил, как она выходит и быстро начинает готовить мне завтрак, – почувствовал, что у меня не хватит сил делать вид, что ничего не произошло: я ушел, почти неслышно защелкнув замок.

Улицы были совсем безлюдны, до начала работы еще часа три, а я шел быстро, едва ли не бежал, как будто меня кто-то гнал.

Потом наскоро позавтракал в какой-то забегаловке: давился – и почти все оставил на тарелке, только с жадностью выпил горячий жиденький кофе. На работу явился раньше всех, выкурил последнюю сигарету и стоял: ждал, когда кто-нибудь появится – стрельнуть до открытия буфета.

Первым явился Юрка – мы бросились друг к другу, будто эта встреча была для нас самым радостным неожиданным событием. Он сунул мне пачку в руки и побежал раздеваться. Вернулся через минуту и сходу принялся рассказывать: вчера снова переругался с Татьяной. Если бы не Наташка – ушел бы давно! М-да, мне эти дела слишком хорошо знакомы: то, что случилось сегодня со мной, по сравнению с ними – просто семечки.

Шеф появился не сразу; мы с Юркой болтали, сидя за своими кульманами – он высунул голову из-за моей доски. Не заметили, как шеф появился.

– Вчера мне дали телефон: там может быть кое-что интересное. Ну-ка, позвони!

Дозвонился почти сразу, но долго не мог выйти на того, кто был в курсе нужных нам материалов. Голос говорившего мало обнадеживал: у них запарка, осталась неделя до сдачи проекта – лучше, если я приеду дней через десять; сейчас меня в лучшем случае меня отведут в архив и скажут номера нужных проектов. Ну, хотя бы это: я решил сразу же ехать.

– Поезжай лучше завтра, прямо из дома: чего дергаться? Или не сидится сегодня? – спросил шеф.

Я молча кивнул.

– Что-то случилось? Серьезное?

– Еще точно не понял. Так я поехал?

– Ну, смотри сам.

Попал туда как раз в обед: пришлось ждать, пока этот нужный мне товарищ появится. Я был слишком некстати: он сразу же двинулся со мной в архив. Вытащил ящик из картотеки, показал несколько неуверенно несколько номеров. Стал объяснять, что работает здесь недавно, руководитель их группы мог бы дать более исчерпывающую информацию, но он болеет.

– Спасибо! Дальше я уже и сам справлюсь, – кажется, не очень любезно прервал я его. Он сразу же исчез.

Я подошел со списком к архивистке:

– Меня интересуют сначала только общие виды, пояснительные записки и расчеты, а потом уже группы и узлы, которые окажутся нужными, – держался, пожалуй, несколько властно, прямо как представитель какой-то вышестоящей организации. Она без звука взяла список и через десять минут положила на стол, за которым расположился, пять довольно тощих папок.

Слишком быстро удалось определить, что все это совсем не то, что мне нужно. Я вспомнил объяснения того конструктора и решил на всякий случай сам просмотреть картотеку. Кое-что там меня, действительно, заинтересовало – через полчаса я положил перед архивисткой новый список.

– Сейчас сделаю, сказала она и пошла к стеллажам. От нечего делать стал смотреть на нее: блондинка, крашенная. Немного простовата, но не страшная отнюдь.

Несколько папок я просмотрел так же быстро, как и предыдущие, и решил сделать перерыв – покурить; она сказала, что хочет пойти в буфет – выпить кофе: я тогда вспомнил, что не обедал, и пошел с ней. Кофе пах потрясающе, и я взял себе большую чашку двойной крепости. Вкус его не уступал запаху, вместе с двумя бутербродами он неплохо взбодрил меня. Ей купил шоколадку – она не ломалась: взяла, поблагодарила.

Начав открывать очередную папку, я уже чувствовал, что в ней есть то, что нужно – и не ошибся: почти то, что искали с шефом в библиотеке в журналах, наших и иностранных.

Я уже не замечал ничего, архивистку в том числе. Тем более что из-за обилия подробностей было не очень понятно сразу. Пояснительная записка – слишком краткая и не очень ясная. Оставались расчеты: очень сложные, с большим количеством схем нагрузок и эпюр. Они-то и помогли после тщательного ознакомления с ними понять суть дела: на это ушло немало времени. Один раз только вышел покурить и быстро вернулся обратно.

Хотя посторонних одних в архивах оставлять не разрешается, архивистка, уходившая довольно часто, просто захлопывала замок, попросив без нее не выходить и никому не открывать. Ее не было, и когда прозвенел звонок, и раздался шум шагов спешивших с работы. Я не успел до конца, а очень хотелось, и я был ей страшно благодарен за то, что она разрешила мне задержаться.

И, наконец, все: закончил! Ее в этот момент как раз опять не было: бегала через каждые десять минут звонить. Мне нужно было уходить, и я тогда только вдруг вспомнил про Фаину и почувствовал, что идти к ней не хочется до ужаса. Стал переписывать нужные мне номера чертежей, потом раскрыл, глянул папки двух оставшихся проектов: для очистки совести. Архивистки еще не было, и это пока давало возможность оставаться на месте: не требовалось еще что-то решать уже.

Но она вскоре пришла, села за свой стол, не глядя на меня, опустила голову на руки. Я встал, чтобы уйти.

– Огромное спасибо! И извините за причиненное вам беспокойство. Дальше злоупотреблять вашей любезностью не буду, и так слишком задержал вас.

Она подняла голову.

– А? Вы уходите? Если надо, сидите еще: я, правда, не тороплюсь.

– Да все равно: я уже закончил.

– Да? Я, пожалуй, тоже, может быть, пойду, – она казалась чем-то расстроенной.

– Ну, тогда пойдемте вместе. – Вообще-то мне не хотелось никуда идти. – Кстати: не подскажите, где здесь поблизости можно по-человечески поесть? – спросил я: просто так.

– Пожалуй, лучше всего в чебуречной – четыре остановки троллейбусом отсюда.

– Компанию мне не составите? – вопрос был без всякой задней мысли: просто какая-то возможность оттяжки. Но мое предложение оказалось кстати: по-моему, она была им довольна не меньше, чем я ее ответом: «Можно!».

Полчаса, которые стояли в очереди, мы разговаривали; она сообщила мне любопытную вещь: рукгруппы, автор того, чем я интересовался, – самоучка, институт не кончал.

– И делает такие расчеты? Сложные достаточно – даже для нашего брата, дипломированных. Познакомиться бы!

– Он болеет чего-то долго.

– Руководитель группы того, кто меня к вам привел?

– Да.

Чебуреки ничуть не уступали кофе, который я пил днем у них в институте: с мелко нарубленным стручковым перцем. Прямо горели во рту – их пришлось есть, запивая сухим вином.

– Мне прямой смысл ходить есть только с вами: каждый раз что-нибудь ужасно вкусное. – Она улыбнулась в ответ: сейчас она казалась мне весьма ничего.

Мы продолжали разговаривать и после чебуречной: курили на скамейке какого-то сквера. Я прикидывал, не предложить ли ей еще что-нибудь: кино, кафе-мороженое. Но она опередила меня: быстро закурила сигарету и, не сказав ни слова, убежала куда-то.

«Какого черта!» – подумал я. Не повернуться ли мне тоже и уйти? И вероятно, так и сделал бы, если бы она так же быстро, как и исчезла, не появилась снова.

– Не обижайтесь, ладно? Я это не нарочно: мне срочно позвонить надо было. – Она снова была чем-то расстроена, и я махнул на все рукой.

– А вы свободны? – вдруг спросила она.

– Дальше некуда: пока не поймали.

– Нет: серьезно?

– Сегодня уж точно. Абсолютно совсем. А что?

– Меня ждет подруга – я не хочу идти к ней одна. Составьте теперь вы мне компанию.

– Уже уговорили. А что можно прихватить к вашей подруге? Не торг?

– Нет.

– Ясно. А какое?

– Да любое.

Она еще сказала, что она должна была быть там уже давно, и поэтому времени у нас немного: мы и зашли в какой-то крохотный магазинчик. Там были слишком уж неважные вина, среди которых одиноко маячила бутылка трехзвездочного армянского коньяка. Продавец, отсчитывая шесть рублей, чтобы дать мне сдачу с десятки, сказал, что это последняя. А разлив оказался ереванский; и как же ты попал сюда?

Подруга ее была весьма в теле – крупновата, и намазана не в пример сильней моей дамы. Была еще одна девушка – совсем молодая, тонкая и звонкая, и двое мужчин: один из них, по моему, был мужем хозяйки, а может быть, и нет – впрочем, я и не пытался разбираться. Все уже были нормально тепленькие: выпили то, что было, до нашего прихода, и с нетерпением ждали нас с тем, что мы притащим.

Я как самый трезвый и, кроме того, принесший хороший коньяк, а не какую-нибудь крепленую дрянь, стал распоряжаться процессом принятия: не дал заглатывать целыми лафитниками, а заставил хозяйку вытащить из горки большие бокалы и наливал понемногу, на доньшко. И держал бокал в ладони, чтобы коньяк нагрелся до температуры тела, и пил его не торопясь отдельными маленькими глоточками не закусывая. Это им ужасно понравилось: необычно – как в заграничных фильмах, приятно – и, главное, тоже балдеешь, а пьешь мало и медленно, так что хватит, может быть, и одной этой бутылки, не надо будет снова бежать. А для усиления эффекта заварил чай покрепче и показал, как пить его и курить одновременно. Кроме всего этого выпендривания выдал им еще анекдотов, сначала попрстойней, потом и не очень, и сам совершенно не смеялся, что в тот вечер мне было совсем не трудно, – остальные дружно ржали, тощая девица даже начала икать.

Вывалились оттуда с Лелькой, когда уже не один городской транспорт давно не ходил. Ехали на такси к ней домой. Глаза ее блестели, она прижималась ко мне – мой успех в этой компашке был ее успехом; и я знал, где и с кем я сегодня сплю.

На следующий день Лелька встретила меня в своем архиве, как будто это не она спозаранку шепотом обещала мне пропустить нужные кальки через светокопию без всякого оформления, а потом тихонько вывела меня на лестницу – так, чтобы ни одна живая душа не услышала. Я прокимарил с час в метро; потом позвонил шефу, как раз перед тем, как он уходил на работу: предупредил, где буду с утра, чтобы он записал меня в журнал разъездов. Позавтракал, не торопясь, в закускойной, и только тогда отправился в ЦНИИ, чтобы придти не раньше, чем она.

Папки вчера она не убирала – кальки я отобрал быстро, и через полчаса она отдала мне неразрезанный рулон синек.

– Пойдем, выпьем кофе! – мне еще не хотелось разбежаться с ней.

– Ладно! Иди туда, я уберу кальки и приду.

Кофе был вкусен, как и вчера, и, пожалуйста: бутерброды с красной рыбой, еще теплые слоеные пирожки с мясом, свежайшие эклеры, – удивительный буфет был в этом их ЦНИИ.

– Отлично вечерок вчера провели – будет, что вспомнить. И остальное... – Лелька улыбнулась чуть сонными глазами.

– Можем продолжить.

– Нет уж: ни к чему! Такое хорошо один раз – пока друг о друге ничего не знаем. Согрешили – и разбежались: без обиды. Да и есть у меня уже: ты вчера – это так. Да ты не обижайся – чего уж! Ладно, чего долго разводите: еще убьют там, что надолго пропала, – она запихала остаток пирожного в рот, единым глотком допила кофе и отодвинула чашку.

– Да, на вот: просили очень передать тебе на всякий случай, – сунула она мне клочок бумаги в самом конце лестницы; мне дальше нужно было прямо – к выходу, ей налево – по коридору. Попрощаться мы не успели – кто ругался у дверей архива:

– Опять пропала куда-то на три часа – жди ее каждый раз! – Лелька испуганно рванула по коридору, едва успев махнуть мне на бегу рукой.

Дорогой глянул: номер телефона, под ним имя – Валя. Это какая? А, та – девчонка из вчерашней компании. Тоненькая: ручки и ножки как палочки; крошечная грудь – как два кукиша; жиденькие волосики и большой рот. Жалкая улыбка на лице; заискивающий взгляд, угодливое поддакивание и глуповатое хихиканье – как будто выпрашивает как милостыню внимание, боится, что не позволят остаться, прогонят. Ни капли достоинства – к ней все относились с явным пренебрежением, не стесняясь совершенно: она терпела все. Как жалкая бездомная дворняжка – случалось как-то видеть подобных. Видно было, что она готова сразу на все: свистнут ей – и прибежит, без лишних церемоний ляжет с любым, безропотно позволит сделать с собой что угодно. Потом ее запросто можно прогнать и мысленно плюнуть ей вслед, даже ударить – она все равно снова прибежит, как только ей опять свистнут. Такая годится кому-то только в здорово пьяном виде или совсем с голодухи, когда уже совсем немоготу – сходить на нее, как на унитаза. Не для меня.

А что для меня? Фаина? Я только сейчас вспомнил, что даже не позвонил ей, но, честно говоря, не чувствовал никаких угрызений совести – ни за это, ни за то, что ушел вчера не попрощавшись. Ну, не муж же я ей, на самом деле. И не собираюсь им становиться: слишком мало подходим мы друг другу. Это было ясно чуть ли не с самого начала – связь с ней не могла быть долгой. Куда лучше было бы, если бы я тогда встретился с другой женщиной, у которой я не был бы первым: все было бы менее сложно. Если бы... Да что об этом думать: все равно, конец уже неизбежен – вчера, когда я, наконец, проснулся, понял это. Но как он только произойдет?

Главное, мы уже успели привыкнуть сколько-то друг к другу, – особенно, я чувствую, она. И сам сознавал, что только ей обязан тем, что стал приходить в себя – благодаря спасительному сонному забвению после физического обладания ее телом; но в этом сонном оцепенении был тогда не в состоянии что-либо заранее предпринять: плыл по течению.

Очень желательно как можно более безболезненно для обоих расстаться. Но как? Как?

4

Шефа в отделе не было – куда-то вышел, а Юрка никоим образом не отреагировал на то, что я появился с рулоном чертежей. Впрочем, и моя радость от вчерашней находки уже успела потускнеть: ее заслонили мои личные проблемы. И я сразу ушел с Юркой, еле дождавшись, пока я отмечу свое прибытие в журнале, в коридор: выслушал его новые беды, потом выложил ему свои проблемы.

Вчера опять произошел скандал – прямо в присутствии Наташки, и она лезла к нему на руки, а Татьяна ей силой не давала: не ночевал дома, поехал к матери. Совершенно не представляет, что сейчас делать дальше. И я тоже – сказал, что совсем не знаю, как мне быть. Рассказал ему, что было вчера после того, как поехал в ЦНИИ, про Лельку, и сразу перешел к делам с Фаиной.

– Так и кончай с ней: сам же только что убедился, что другую найдешь.

– Легко другому только советы давать.

– Да чего ты: жена она тебе, что ли? Ребенка ты ей ведь не сделал. Да в конце-то концов: она такой же взрослый человек, как и ты – нечего всю ответственность взваливать на себя одного.

– Расплачиваться-то, главным образом, ей – не мне. Она же в таких делах – совсем как ребенок. Я-то поопытней: понимал кое-что.

– Слушай-ка, а может так: попробуй сделать так, чтобы не ты ее оставил, а она тебя выгнала. Напейся специально, наблюдай ей в квартире, да еще устрой скандал, можешь даже дать ей по физиономии – ей ничего и не останется, кроме как выгнать тебя: будет потом еще радоваться, что избавилась от такой сволочи. И не будет ни переживать, ни мучаться. А? Грубо по форме, по сути – более человечно: менее жестоко, чем предложить ей «расстаться по-хорошему». Ну, понимаю: трудно, но... Смоги, если уж хочешь сделать легче ей, а не себе.

– Не то совсем – тухлый номер: с ней не пройдет. – Да это же чушь собачья! Ударить ее – безропотную, покорную? Обидится, выгонит? Она-то? Себя будет считать виноватой – что не угодила мне непонятно чем, сама же разозлила меня: начнет еще просить у меня же прощения. Делай с ней что хочешь – только прости: все стерпит – раба. Так что...

Шеф прервал наше стратегическое совещание – и кстати. Показал ему привезенный мной материал: я постепенно увлекся; Юрка, слушая тоже, по-моему, немного отошел. То, что я привез, хотя и не касалось основной конструкции, позволяло легче решить систему вспомогательных опор; в сочетании с тем, что мы успели разработать, это давало возможность уже через две-три недели закончить проектное задание – ведь работа шла полным ходом, несмотря на наши личные дела.

– Кстати, ты ему передал, что звонила его тетя? – прервал меня вдруг шеф: вопрос был к Юрке.

– Ой, совсем забыл, Аркадий Ильич! Еще утром.

– Тогда позвони ей: покажешь остальное завтра.

Тетя Лиза просила подъехать к ней: может быть, сегодня, а? Я сказал: ладно – потому что, наверно, она или, скорей, ее дочь Ирка, моя дорогая кузина, вознамерилась сделать новую попытку познакомить меня; сейчас меня это вполне устраивало. Неплохо было с кем-то познакомиться – вышибить клин клином.

Поехал сразу же после работы – до них добираться не ближний свет. Торт прихватил уже у их дома, в кондитерской прямо напротив остановки автобуса.

Тетка и сестра ждали меня: молодец, как ты быстро. Ты куда не торопишься – не торопись; а может быть, душ примешь – с удовольствием; тогда иди – я пока салат сделаю. Почему

сегодня небритый – не спросили. Обед – несколько торжественней, чем обычно: вкусный капустный салатик, селедочка, бульон с клецками, блинчики с мясом, компот. По рюмочке вина из бутылки, в которой «еще чуть-чуть осталось». О деле – ни гу-гу, как будто меня пригласили только потому, что очень по мне соскучились: это могло вполне выглядеть правдоподобным – я действительно видел последний раз, и то только Ирку, тогда в кино. Потом стали пить чай с тортом, включили телевизор, и передача была интересная: мы ее смотрели долго, и они мне даже разрешили не выходить, курить прямо на кухне.

И только после телевизора мы перешли в комнату, где стояли кресла и журнальный столик: для серьезного разговора, как я сразу понял, едва вошел туда. На подлокотнике одного из кресел очень красивая шерстяная кофта – слишком хорошо знакомая. Та, что была тогда на Фаине. Это сразу избавило нас от излишних вступлений: она явно специально находилась там – тетушка моя не признавала беспорядка.

...Первой с ними поздоровалась она, – вернее не с ними, а с Ирой: сочла неудобным не поздороваться. А сестра сочла неудобным не поздороваться в ответ и хоть что-то не сказать. Спросила обо мне: ведь они меня уже сколько не видели. Тетенька поэтому сразу же смекнула, кто это. Потом пошло: «Вы что, где-то здесь живете?» – «Да, тут совсем рядом. Вы не зайдете ко мне: мне было бы так приятно!» – " Ну что вы, с какой стати, просто неудобно!» – «Что вы, что вы!» И она стала так упрашивать (а им, конечно, так хотелось всё – всё разузнать), что они не смогли ей отказать: «Но только ненадолго». – «Хорошо, хорошо!»

Они буквально не успели зайти, как она уже накрыла стол белой скатертью, моментально поставила на него такое, что в ресторанах не во всех бывает, и не хотела ничего слышать, что им неудобно, с какой стати и все такое прочее. Но, главное, она почти сразу проговорилась.

– Я ее спросила: «А как Феликс отнесется к тому, что вы нас сами пригласили? Может быть, он не хотел бы нас еще знакомить». – «А его, все равно, сегодня не будет: он утром даже взял с собой бритву». И сразу покраснела как рак.

Вот это была косточка! И тетя моя уже сочла своим долгом остаться, чтобы досконально выяснить, что за женщина, с которой сошелся ее родной племянничек. А Фаина сознательно, или бессознательно, помогала ей в этом – и всеми силами старалась понравиться.

Решив, что всех этих закусок недостаточно, выскочила на кухню и чуть не мгновенно зажарила антрекоты с перцем – лучше, чем в любом ресторане! Потом захотела угостить их бисквитом – опять началось: «Ах, зачем?», «Что вы, что вы: я мигом!», а тетечка моя была большая мастерица по части бисквитов и тоже пошла с ней – якобы помочь; Ирку оставили в комнате переваривать пищу.

– Так все, действительно, быстро сделала – я ахнуть не успела.

Они посадили бисквит в духовку и остались следить за ним – и тетя Лиза начала острожно задавать вопросы, а Фаина охотно и даже достаточно подробно ей обо всем рассказывать; сначала только часто краснела и вдруг начинала заикаться, «пока я ей не сказала:

– Послушайте, мы же с вами не дети: можем о таких вещах говорить достаточно откровенно. Вы не бойтесь: я не ханжа; тем более что вы уже тоже не семнадцатилетняя девочка: было бы нелепо, даже смешно, требовать того же, что от них.

И она успокоилась. Мы вместе стали делать заварной крем: так и говорить было легче – нам обоим; кроме того, я смотрела, как она все делает: настолько ловко, умело, без суеты, без всяких лишних движений – все к месту, все вовремя. Ну, хозяйка она, я тебе должна сказать: таких днем с огнем не сыщешь! Как она бисквит – только раз глянула, и через десять минут вынула из духовки: ни минуты ни передержала, ни недодержала; и бисквит был такой – не хуже моих. (Оценка, действительно, очень высокая: тети Лизины бисквиты превзойти невозможно – я это твердо знал с самого детства, когда во время войны она на каждый день моего рождения приносила мне его, и это был самый желанный тогда подарок для меня). А какой кругом порядок, чистота – ни пылинки, ни соринки: сразу все убирает на место, вытирает.

– Прямо как у тебя, – не удержался я.

– Да, не смейся, это – по-моему. А что? Тебе это не нравится? Или лучше, как было у Леры твоей: у неё порядок был когда-нибудь?

Ну, а дальше: я просто обалдела, когда она мне показала и сказала – даже переспросила ее – за сколько дней связала целый костюм.

– Она имеет возможность вязать и на работе.

– Она этим ой как много зарабатывает. Но сказала, что делает это только потому, что нравится заниматься: денег ей и так хватает – немного самой и нужно, да и тетка с матерью ей кое-что оставили. Ничего себе – кое-что: открыла мне какую-то жестяную коробку, а там! Кольца, перстни, серьги: ты видел?

– А-а, какие-то грубые, аляповатые: я и смотреть не стал.

– Много ты понимаешь! Работа, ты прав, неважная, но это все массивное золото старинной пробы. И камни неплохие, можешь мне поверить – у меня самой этого добра когда-то не так уж мало было.

Да: было, я помнил. Ее: молодую, красивую, какую-то строгую и мало улыбающуюся – дорого и модно одетую, в каракулевом манто, с бриллиантовым кольцом и ниткой настоящего жемчуга. Через дверь в спальню видна стоящая там, на трюмо, маленькая перламутровая шкапулка – последняя вещь, оставшаяся от того времени.

– Я ее спросила, почему бы ей не обставиться как следует: приличная у нее только «стенка», все остальное стоит сменить. Она ответила, что после того, как осталась одна, ей было все безразлично: как было при тетке, так и оставалось все – «стенку» она купила уже вместе с тобой. И стала хвалить тебя: как ты ей объяснял, что такое «стенка» и как ставить ее, так что ей захотелось купить ее сразу. Как тщательно проверял каждый предмет, и как умело договорился с продавцом, потом организовал машину и грузчиков, следил за погрузкой и как втаскивали наверх; собственными руками все собрал и вместе с ней расставил. Что, вообще, вы и познакомились в мебельном магазине. Как ты там очутился?

– Просто болтался от нечего делать.

– И все так и было?

– Почти, но – не совсем.

– Наверно, покупка была уже после...? Ну, ты понимаешь.

– Именно.

– Нетрудно было догадаться: достаточно представить себя на ее месте; слишком уж понятно, что могло пробудить ее от апатии.

Эта «стенка» – только начало: она думает сменить мебель целиком, но сначала надо сделать ремонт самой квартиры – просто даже необходимо. Но, вообще-то, какой ремонт не делай – квартира неудобная: ванны нет и не будет – самой и то ЖЭК не разрешает ставить, потому что могут не выдержать перекрытия, так как дом слишком старый. Но стоит он так, что никому не мешает, поэтому надеяться, что снесут и дадут что-нибудь другое не приходится, да что могут дать на одного-то человека.

Вступить бы в кооператив: у неё на работе это сделать не трудно. Квартиры дорогие, но зато очень хорошие: большие кухня и прихожая, лоджия огромная и еще маленький балкон на кухне, полы в комнатах и прихожей паркетные, польская плита на кухне. Она была в таких – у сотрудниц. Многие еще оклеивают стены моющимися обоями, кухню и ванную другой плиткой отделывают, достают для кухни двойные мойки из нержавеющей стали. Даже застекляют лоджии – очень недешево, и времени на это уходит уйма, но зато так здорово.

Для такой квартиры она бы не пожалела денег: все то же самое сделала бы обязательно. К кухонному гарнитуру – непременно навесной холодильник: страшно удобно и лишнего места не занимает. И даже «стенку» можно другую, более дорогую – она видела у людей и в мебельном: поставить в нее хрусталь и красивые сервизы – тоже всё чтобы не хуже, чем у других.

Только однокомнатных квартир у них очень мало, запишешься – и жди очень долго, – а на большую ее не запишут.

Если бы... Если бы он... (Ты!) Все было бы иначе: можно было бы записаться на двухкомнатную, даже трехкомнатную квартиру и сделать все, как хочется. Денег у нее хватит – на все хватит: квартиру, мебель, ковры – можно ведь что-то продать из этого золота, да хотя бы и все, чтобы у... них... было все, что у других. Машина чтобы у него была: чем он хуже других мужчин – ему, верно, тоже ведь хочется. Тогда можно еще и садовый участок взять у них же на работе или уже готовую дачу купить: овощи прямо с грядки; яблоки, ягоды свои; несколько курочек – свежие яички, и петушок, голосистый; – возились бы вместе, сколько было бы желания.

И жили бы, не отказывая себе ни в чем: она столько зарабатывает вязанием – сможет, если надо, еще больше. Можно и машину вязальную купить, он бы мог помогать ее налаживать на нужный рисунок – говорят, мужчины с этим лучше женщин справляются. А вообще-то, делал бы только то, что хотел; если когда чем-то поможет – ей, конечно, будет приятно – то спасибо, но совсем не обязательно: и сама со всем справится. Лишь бы только хорошо ему было...

– Да давно ли вы его хоть знаете вообще-то?

– Тридцать семь дней.

– Только-то? А вы, оказывается, очень решительная.

– Я? Нет, где уж. Просто, он – это он. Это, видно, судьба: ведь сколько лет уже, а никого не было до него, и кажется, будто и не жила совсем до него – непонятно, что и было раньше. Будто жить начала, только когда он прикоснулся ко мне. Тридцать семь дней – это и есть вся моя жизнь: он был – и все у меня было. Радость была, смысл был. Все мысли только о нем: что сделать, чтобы ему получше. Я готовлю хорошо, вы ведь видите, а он, все равно, ест плохо, без аппетита; я ему иной раз и рюмочку налью – лишь бы поел, как следует. Устает он, как видно, очень сильно у себя на работе: кроме той первой недели, когда со «стенкой» возился, придет с работы, покормлю его – он телевизор включит и сидит, не смотрит, курит да молчит, и вскоре засыпать начинает, я ему скорей стелю. Тогда только принимаюсь за дела; пока он не спит, сижу рядом – только вяжу: мы теперь мало разговариваем, не то, что раньше, да и тогда – все больше я говорила, как прорвало меня.

– Он постоянно ночует здесь?

– Да почти: только раз в неделю идет к родителям, заодно моется там и уже остается ночевать. Я в этот день хожу в парикмахерскую, потом в магазины, а приду домой – убираю и мою всю квартиру, пироги делаю, готовлю на завтра, к его приходу. Дел вроде много, а время все тянется: нет его сегодня. Вымоюсь под конец в корыте, лягу – поздно совсем, а заснуть не могу никак: не то что когда он тут – тогда ведь знаю, что здесь он, и все спорится, все ладится у меня, и засыпаю сразу рядышком с ним. Ворочаюсь долго, потом встаю, свет включаю, начинаю вязать – и думаю, думаю: о нем, о себе. Засыпаю аж под утро. Потом весь день волнуясь, каждый час считаю – скорей бы работа кончилась: домой прибежать, поставить все греть и ждать – вот он придет, мой хороший, ласковый.

– Ласков он с вами?

– Да: очень! Я же и от матери всего этого не видела. Особенно в самом начале.

– А сейчас?

– Поменьше, чем тогда; иногда глянет так – по мне уж лучше б закричал, а он нет – молчит. Мне даже страшно становится. Тогда ведь, даже если что надо, не скажет. Я уж тоже тогда молчу, боюсь его расстроить: может, что не то сказала. Сегодня вот – среди ночи проснулся он отчего-то и на кухню пошел; я за ним – посмотреть, что с ним такое, не надо ли ему чего – а он мне: «Нет!» Я и ушла, раз одному ему надо было остаться, раз мешала ему чем-то. Уже больше и не заснула, лежала тихонько: слышала, он ходит – всю ночь ходил, так и не лег больше,

а утром ушел раньше времени. И не поел ничего, даже кофе не выпил. И бритву свою взял. Что с ним – знать бы: ведь молчит он – что я о нем знаю, чем помочь ему могу?

– Вы почти ничего о нем не знаете?

– Знаю – только что вижу. Что ласковый он – самый, должно быть, ласковый, – хороший очень. Что умней меня – книг, видно, очень много прочел: не то, что я. Оттого и боишься иной раз не то сказать. А то как в самом начале: повел он меня в музей да стал там что-то объяснять, а я возьми да задай ему вопрос, глупый, наверно, – замолчал он сразу. Ничего мне не сказал, но я видела: расстроился. Я и боюсь ему вопросы задавать, не расспрашиваю ни о чем. Лучше я вас спрошу, можно?

– Пожалуйста. Дело ведь в том, что он недавно разошелся с женой.

– Так значит, из-за нее он...?

– Нет, совсем не из-за нее. Из-за ребенка, дочери.

– Ну, что он так-то убивается: ведь дочь его теперь, все равно, – отрезанный ломоть. Да я ему, если захочет, могу другого родить.

– А не захочет? – не утерпела, спросила сестра, до сих пор не мешавшая матери, хотя уже тоже давно находилась на кухне.

– Что ж, проживем и так: небось, уж поздно мне. Ладно, как-нибудь уж так. Все будет, как он захочет: было бы ему хорошо.

... – Сказано, по-моему, искренне: во всяком случае, я ей поверила. Потом она притащила кофту – вот эту самую – сказала, что была в ней, когда вы познакомились, заставила примерить и так стала просить принять ее в подарок, что я под конец уступила. Тем более что мне казалось, что она делает это неспроста – хочет попросить меня о чем-то, но никак не решается. И так и не решилась: только по ее глазам, по дрожавшим губам я поняла – я же тоже женщина – что. Да я и так собиралась поговорить с тобой: меня в первую очередь волнуют твои проблемы – ты же сын моей единственной сестры. Послушай, чай там не закипел? – крикнула она сестре, смотревшей на кухне телевизор.

– Кипит давным-давно.

– Пойдем-ка, у меня уже в горле все пересохло. Подумай об этом, мой тебе совет, не спеша: когда захочешь, тогда и скажешь какие у тебя планы – совсем не обязательно сразу.

– Ты уже, наконец-то, кончила? – у Ирки не хватало терпения. – Ну, как? Вариант весьма, весьма таки не плох, а?

– Не наваливайся на него, – ну что за манера!

– По-моему, тебе не следует теряться: такая возможность может больше не подвернуться. Все сразу: кооперативная квартира, машина – когда смог бы ты заработать на это, особенно теперь, когда тебе столько лет надо платить алименты?

– Ну, здесь она права. Да еще и любая обстановка, ковры, посуда – не надо всю жизнь ограничивать себя, чтобы постепенно это приобретать. Ведь и то небольшое, что вы с этой успели нажить, ей останется. Как пить дать!

– А-а!

– Не акай, пожалуйста! Тебе не следует пренебрегать такой редкой возможностью, как сейчас: ты не из тех, кто умеет зашибать деньги. Так что не упускай своего – делай, как другие: они не остаются в накладе.

– Тем более, она не уродка – этого никак не скажешь, а уж хозяйка: слов нет. Как готовит, какая везде чистота, порядок.

– Идеальный, – подтвердил я, – особенно в шкафах. Каждая вещь, вплоть до мелочей, имеет строго свое место, и она все абсолютно помнит, где у нее что лежит, – никогда ничего не ищет. – Это была чистейшая правда, поэтому мои слова звучали искренне, из чего они сделали вывод, что их попытка выгодно женить меня имеет шансы на успех.

– Я бы могла бы с ней чуть поработать: приучить ее достаточно модно одеваться – ей есть на что; покрасить волосы, начать пользоваться косметикой – будет ничуть не хуже любой другой.

Я молча, одним только выражением лица, что в этом сестрица моя, конечно, целиком права.

– Ладно: я подумаю, – говорю я: пора уже спать. Это то, что нужно: вроде бы начинаю соглашаться, но не сразу – безо всяких усилий с их стороны: так было бы даже неинтересно.

Спать хочу дико: почти не спал ту ночь и сегодняшнюю – Лелька удивительно умела добиваться, что я смог столько раз, сколько она хотела, и без всяких моих комплексов. Сейчас, после нашего милого разговора, мне почему-то кажется, что была эта Лелька давным-давно.

Сквозь сон слышу шепот в спальне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.